

A watercolor illustration in warm, golden-brown tones. On the left, a woman's profile is shown from the chest up, facing right. Her hair is rendered with thick, expressive brushstrokes in shades of orange and red. Her eyes are closed, and her expression is serene. To the right of her face, a lit candle is depicted, with a bright yellow flame and a pool of melted wax. The background is a soft, hazy wash of yellow and orange, suggesting a warm, intimate atmosphere. The overall style is soft and painterly.

Дом между небом и землёй

Ivoga (Анастасия Каляндра)

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Дом между небом и землёй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70337074

SelfPub; 2024

Аннотация

Редактор Женя строчит статьи для газеты – пустые, но очень даже искусные. До того самого дня он как будто и не задумывался о том, что что-нибудь здесь не так. Он жил и не замечал, что чего-то не хватает. Чего-то большого. Большею части его жизни. Он не думал об этом до того самого дня, когда над ним собрались тучи и стал слышен гром, а у него под ногами оказался картонный маленький компас – поделка, похожая на детскую. Этот компас указывает туда, куда Жене предстоит направиться. Это не только небольшой, похожий на сказочный, мир одного маленького дома в лесной чаще, где живёт молодая девушка, которая дружит с белками и голубями, и в котором, похоже, умещается целый мир, но и мир, большой мир, который был потерян самим Женей и остался где-то далеко... Далеко – на самом дальнем краю его сознания. Жене придётся разобраться в себе, пока он гостит в чудесном домике. Возможно, что ему предстоит найти и путь в новую жизнь – будущую, тогда, когда он наконец доберется до своего прошлого.

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Дом между небом и землёй

Пишет редактор Женя. Бывший редактор.

Тот Женя был ещё не тем. И уже не тем. Тот Женя был тем мной, который ещё не знал того, что я знаю теперь и тем Женей, который уже забыл то что знал до того...

Всё началось очень даже неожиданно. Он просто шёл по улице и даже не думал нигде останавливаться. Ведь день был не очень-то и погожий и вот-вот мог полить дождь. А до редакции было ещё, вобщем, шагать и шагать. И пока тебя не возьмёт под крыло заботливый козырек из железного листа с потускневшими от времени и кое-где посыпавшимися буквами, составляющими гордую и зычную надпись "Саратовский Прометей" – настолько знакомую, что уже совсем её и не замечаешь – так, кроме поломанного зонта с вывернутыми тут и там спицами, от летнего дождя ничто тебя и не спасёт. Поэтому он старался побыстрее дойти до редакции и не глазеть по сторонам, ведь пока глазеешь, тучи над тобой собираются всё больше и надо бы, по логике, брать и обгонять ветер, который их гонит... а он и сам тебе, вобщем-то, помо-

гает – толкает в спину и воет в самые уши. Мол: "Поспеши!.. Нечего тут! Зазевался!.."

Останавливаться он не собирался. Но что-то пошло не так. Он и сам не знал – что. Он просто, вдруг взял и остановился на ходу. Он стоял и смотрел. И слушал – слушал ветер. Ему, почему-то, показалось очень странным то, что он сейчас вообще куда-то идёт... И куда?... Редакция и железное крыльцо, и буквы... и кипы бумажек у него на столе, и выкрашенные зелёной краской коридоры, и таблица информации на одной из этих стен и... и всё остальное, что было, вобщем-то, его повседневной реальностью – вдруг показалось совсем нереальным и неправдоподобным. Это было весьма странное ощущение. Женя давно не встречался с таким... Это было так... Так, как будто бы он, вот сейчас, на полном серьёзе, направлялся в какое-то совсем и не существующее в мире место... Как будто бы намеревался всерьёз шагнуть на страницу какой-то газеты или книжки и очутиться, тотчас же, там. А вот гроза – гроза, она была реальной. Она была летней. И... Он стал, как замороженный, смотреть вверх. Чего уже давно, давно, не делал. А сейчас – гром начал его звать посмотреть... Он звал о-ччень громко и оглашал всё вокруг. Весь унылый серенький район. На это нельзя было не обратить внимание. Летние грозы – они такие. Они громяют иногда громогласно... Хотя, уж это-то, наверняка, и породило такое понятие "громогласно" – летние грозы, ну или хоть какие-нибудь другие, но грозы именно, и поро-

дили... А молнии, иногда, гуляют среди облаков беспрерывно – так, как будто кто-то то и дело переходит из одного облака в другое, с фонариком в руках и освещает маленькие тоненькие извилистые мостики, проложенные между туч. И он смотрел вверх, и, вот только эти небо и гроза и ветер тоже – были ещё похожи на реальность. Как будто бы всё вокруг меркло и становилось совсем даже неправдоподобным, в сравнении с ними.

"Ведь, странно... – думал он, глядя на молнии, тоненько но мощно проходившие среди туч, – Когда смотришь на такие вещи – так кажется, что ты попадаешь, одновременно и в прошлый век, и в позапрошлый – и в те далёкие времена, когда люди ещё ездили на телегах, запряженных ослами... И в те – когда уже на бензиновых и дизельных видах транспорта... И когда... и ког-да... Да в любое время. Ведь это – наверное было всегда. Вот такие вот тучи и молнии и грозы..."

А город – наоборот, казался теперь легким, как перышко и невесомым... И мало значащим, вобщем-то – ведь он, как и все те деревени, города, села, что были здесь, на этом месте до того, однажды может исчезнуть и уступить место новому городу... А вот гроза – гроза, она останется. И дождь тоже, и небо, и облака. И ветер. Ведь тот город Саратов, который Женя знал сейчас, в 2345 году был совсем не похож на тот, что знали его деды и прадеды... А уже его внуки и правнуки, могут увидеть его и совсем изменившимся – в лучшую или в худшую сторону. Но уже, наверное, не таким. А только, бу-

дут, наверное, тоже, когда-то в грозу смотреть на укутанное тучами небо и думать о том – как же было здесь ему – их дедушке?.. Ведь, может быть, что он, в совсем ещё другом мире, видел такие же грозы.

"Все это о-чень интересно..." – думал Женя и стоял дальше, сам не зная зачем. Как будто город вокруг него, и правда, растворился и уже ушел в небытие вместе с его домом и редакцией и... Всем, всем, всем. И идти некуда и незачем было. И спешить. И судорожно думать о том, где же найти средства заплатить за квартиру Анне Семеновне до конца месяца... А ведь этой квартиры, наверное, уже тоже нет?.. Так и зачем тогда? Все – это незачем... Но одновременно и что-то более мощное чувствовалось теперь во всем этом мире – что-то более масштабное и важное, для чего что-то и стоило бы делать. Он просто стоял и не знал куда идти. И смотрел. Такое с ним бывало не часто. Он даже забыл – когда же ещё в последний раз он так много времени позволял себе потратить впустую? А между тем, такое ощущение было, что он тратил впустую, по крайней мере, восемьдесят процентов от всего своего времени. Не понятно – на что?.. Он, вроде бы, все время что-то делал, старался, спешил, но по итогу – все это как будто уходило в никуда. Как если бы ты все время наливал воду в корыто – тас-кал ее, носил вед-ра-ми, срывал на этом деле позвоночник, но воды от этого в корыте все никак бы и не прибавлялось. А только силы и время утекали бы вместе с этой водой совсем неизвестно куда. Такое было

ощущение.

"...И чего это они разлетались?.. – неизвестно для чего подумал Женя про стайку голубей, рванувшихся наверху между крыш. Полёт этой стайки весьма даже напоминал порывы ветра, которые, с тем же гулом от голубиных крыльев, и на тот же прерывистый манер то стартовали резко с места, то мягко планировали полусонно, опираясь на случайно попадающуюся струю воздуха... и по спонтанно выбранной траектории... Очень было похоже на ветер. – Чего летают-то?.. – одна из мыслей, которые зачем-то, бессмысленно и бессвязно, и даже бесполезно в отношении окружающей реальности, вдруг возникают у него в голове – совсем как фразы, пустые и ничего не значащие, которыми он привык, по долгу профессии, напихивать свои каждодневные статейки, как подушки гусиным пухом – чтобы были пообъемнее и чтобы праздному обывателю было поудобней самодовольно и ленно в них окунуться. Он так привык играть словами и набивать ими – почти что ничего не значащими, почти что пустотой а не словами совсем – любую мысль или любую хоть маленькую фразочку, что они, всё такие же, ничего не значащие и не отзывающиеся никак внутри, уже вылетали из его нейронных связей на автомате. Даже тогда, когда совсем и не нужно – просто так, как детали, как однотипная продукция из не отключенного вовремя конвейера. И эти слова, тоже показались не реальными. Не настоящими. Как будто он, и

в своей собственной голове – не имел опоры, не знал куда идти и что делать. И зачем. А между тем – загруженность у него на работе была большая. И перед выходными все они, в редакции, должны были поработать на славу, и, вобщем-то, в три оборота – ведь материала нужно было настрочить ещё и на субботний и воскресный выпуски. Об этом нельзя было забывать. Пора идти. Он постарался взять и выбросить из головы все свои непонятные ощущения. И ему это почти удалось – в голове уже установилась привычная оглушительная тишина, в которой его мозг всё время напевает привычную легонькую песню-присказку, почти что колыбельную из всяких спонтанных ничего не значащих фразок и словечек... И в этой лёгкой колыбельной есть как всегда и что-то такое остроумно-забавное, на что ты никогда не засмеешься, но чему можешь зато легонько ухмыльнуться и уютно так закутаться, пока идешь куда-нибудь, в мысль о том, что ты всё таки парень с головой на плечах и не без таланта. Всё шло вроде бы хорошо. Но только вот опять не так. Не так как обычно. И он снова остановился на том месте где пришлось. Точнее – где пришлось подумать. Ему подумалось что всё наверное не так от того, что он немножко почему-то смотрит на всё это со стороны. Не изнутри а со стороны. Как будто бы и мысли были не его, и словечки не его, и фразочки, и меткие замечания, и пустота тоже. Они все ещё крутились в его голове, а между тем, под звук одной из пустых фразок, которая ещё не дозвучала до конца, ему что-то подумалась и ещё одна. А

прозвучала она:

– И от чего же все самые лучшие фразы – ну, те что просто не в бровь, а в глаз, те что, кажется берут и вонзаются в самую суть – как-то правдиво и правильно, те вызывают и самые честные, как-то так выходит, эмоции. Если смешно – и по настоящему, честно – так и действительно смех получается тоже открытый, честный, прямой. Как и сама шутка. А если грустно или что-то типо того – то просто... Эмоция получается тоже какая-то сильная и прямая. А когда всё вот так – идёт фраза, идёт, и краешком только едва суть задевает, так и эмоция в ответ тоже какая-то... Как бы окраинная. Только краешек от эмоции а не... Вот даже ухмылка – и то: не улыбка – так, чтоб целиком, на весь рот – а так – только один краешек губ куда-то вверх лезет. И всё.

И странно, что это всё вдруг подумалось... Или нет, даже скорее почувствовалось – как-то так, на языке ощущений а не на языке слов... Как-то это подумалось, будто бы он в тот момент сам на себя посмотрел со стороны. Вот – он сам ещё договаривает внутри у себя фразочку и под её звук он же, но только оттуда откуда-то – чуть издали смотрит на себя и думает о том, как действуют простые и другие фразы. Это странно. Он даже остановился от этого. Ветер рванул тут же. Сверху захлопали крылья. Немного прокатилось что-то раскатом по облакам. И всё это – в тишине. Так чувствовалось, как будто он задержал руками воздух вокруг себя и все звуки на расстоянии полуметра замерли. А там – сверху – они

ещё были слышны. Но вдруг – звук где-то снизу. Маленький треск-удар по дороге перед ним. Он наклонился. Какая-то картонка круглая. Объемная, правда. Поднял. Перевернул. Три тонких картонки... как вроде вырезанных из коробки, наклеены друг на друга. А по середине ещё картонная стрелка приделанна – как на компасе. Ну да – это и есть компас. Только картонный. И даже показывает в одну сторону. Он повертел "компас" в руках. И правда – всё время указывает куда-то. А именно на ту точку, где на картонке находятся циферки. Много циферок – так написанных как долгота и широта на карте. Странно. А разве картон магнитится?.. Вроде бы нет... Так почему же тогда?.. Наверное просто внутри стрелка магнитная приделанна. Ну или просто снизу к картонной прилеплена.

"Вот, кто-то же занимается таким!.. Делать им нечего..."

Ухмыльнулся и опустил руку. Сам не подумал что надо идти но пошел дальше.

"А стоп. Откуда же это?.."

Остановился, поглядел вверх.

"Кто кидается?.."

Дома далеко. Из них просто невозможно было бы так кинуть хоть что-то, чтобы упало ему прямо под ноги. Вокруг голая площадь и только вдали по краям они. Невозможно. Так кто же?.. А вообще-то и в небе ничего нет. Только вдали дохлопывают крылья глупых голубей. Странно. Очень

странно...

Но снова пришла мысль про редакцию и про буквы на вывеске и всё такое... Пора поскорее двигаться. А то так никуда не успеть....

И он зашагал. Потом остановился. Ещё раз взглянул на небо... А может это оттуда?.. Из этого "всегда было и всегда будет"?.. Из того, далекого и оторванного от всего что сейчас происходит, времени... но из того, что всегда здесь?.. Чего-то, что ты не умеешь осязать, пока ты во времени?.. Ведь это за гранью его?..

Он усиленно помотал головой, постарался стрясти с неё это странное что-то и зашагал дальше. Твердо. Резко. Чётко... Вбивая в дорогу свой каждый шаг и выбивая с ним, с каждым шагом, это что-то странное из головы. Ведь с ним сложно жить. Сразу. Это как человек другой, который появляется в твоей жизни – ему нужно уделять внимание... Он требует его. Ведь иначе тот человек и не в жизни твоей, а за гранью. Так и чувства... мысли... новые. Они словно новорожденный – с ним нужно возиться, и оберегать, и вырастить ещё, чтобы стало возможным с ним хоть поговорить... Так и мысли. Станные. Новые. Они рождаются маленькими, незаметными... Как новорожденный малыш. Они кричат что-то на своём – на том языке, что, кажется, не из этого мира... И нужно время. Нужно время и внимание и силы... Чтобы вырастить, сохранить, разработать эту мысль.

Или чувство – из чего-то незаметного и едва осязаемого, из чего-то нежного и хрупкого, нужно дорастить до нужного состояния, до возраста, в котором это что-то станет тебе ясно... Заговорит на понятном тебе языке. А для этого нужно ещё научить своего младенца так говорить. На своём...

А потом он вырастает и ты уж жалеешь немного о том, что он больше не такой – не маленький, не непонятный тебе, не странный... Такой странный и непонятный в этом мире...

Стоп. А откуда он знает об этом? О том, как это – растить... Растить ребенка... Растить мысль... чувство?.. Он и не знал. И не занимался этим, то есть. А вот сейчас – вдруг рррра-ааз!.. И будто бы всё это было. Опять очень странно! И он опять остановился.

Нет, надо идти. Ид-ти...

А потом мысли состарятся... Вырастают, становятся черствыми, ветхими, малоподвижными, и уже их не расшевелишь. Захочешь почувствовать так же – как тогда... Да уже сразу и не получается. Как и присесть, и наклониться, и выполнить прочие физические упражнения... Когда ты уже немолод – всё это уж и через силу... С усилием, да...

Да где же он это всё встречал?.. Нет, нет и нет!.. Не было этого!.. Не бы-ло... Точно... Наверное?..

Буквы... Редакция.

Полутемная лестница с обшарпанной краской на стенах. Шаги... Потому что скрипят уж хорошенько так ступени. И слушаешь тут свои шаги как будто чьи-то чужие.

Дверь открываешь – там уже светлый ваш коридор и непрерывный стрекот пишущих машинок из всех открытых кабинетов. Шум, разговоры и курево. Странно. Назад обернуться – там будто вне времени. Странная лестница – как из книжки какой-то о древние катакомбах. И нет никого, и тишь, словно в замке в башню поднимаешься. А вокруг только паутины не хватает... А тут жизнь – вполне себе обычная жизнь. Непонятно...

Поплелся дальше к кабинету директора. Он вообще-то главред, но все его, отчего-то зовут директором. Странно... Нужно идти за разрядкой. Чтобы узнать о чём ему писать. Сегодня о чём-то новом наверно. О старом обо всём, кажется уже написали...

Что там?... Ну, как всегда – сидит за столом, что-то смотрит в бумагах. Надо только постучать – по косяку, потому что двери открыты. Иначе уж очень душно теперь в помещениях. И всё... Заходи...

– А, Женик?... Заходи, заходи!.. Садись.

Он сел в старое пошарпанное мягкое кресло, у которого по неизвестным причинам прорези в коже такие ровные и немного треугольные, словно их сделали ножницами – а значит умышленно... А сквозь них высовывается понемножку белый пух синтепона. Это то самое кресло, которое во всей редакции самое мягкое, но почему-то в нём именно чувствуешь себя напряженной чем где-либо.

– Ну... Что у Вас?.. – спросил директор.

– Что?.. Что... у нас?..

Женя с минуту посидел, поерзав в кресле сконфуженно и так и не нашёлся что же ему сказать.

– Ну?.. Что Вы принесли, дорогой мой?

– Что?... Я...

– Ну, какую статью?.. Что?.. – недоумевал в свою очередь директор. – Что-то из новостей?..

– А... А, так Вы наверное просто забыли!.. – с облегчением выдохнул Женя и наконец заулыбался и даже чуть хлопнул себя ладонями по коленям от радости. – Вы же мне должны только сегодня новую тему дать. А так – у меня уже не

отписанных нет. Я все закончил, Геннадий Юрьевич!..

И Женя продолжал торжествующе сидеть и улыбаться, глядя на директора с выражением радостного снисхождения. Он занимался в редакции тем, что строчил на каждую новость изысканные и несравненные тексты, в которых было всё – и тонкость подмеченных деталей, и колкость напичканных в каждую фразу словечек, и изобретательность в словосложении, и остроумие в разных наблюдениях... если это конечно был памфлет, фельетон или прочий юмористический текст на какую-либо злободневную новость или тему... Ну а если уж это был текст серьёзный и полу научный (ну, либо он касался дел правящей партии), то тут Жене не было равных в том, чтобы найти как можно больше четких, научных, умных, как кажется, и, вобщем, узкоспецифических терминов – насколько это только можно черствых и сухих – и набить ими даже короткую статью просто доверху.

Да, Жене не было равных в том, чтобы искусно описывать разные вещи и новости добытые не им. И он знал, в общем-то, что он в своём роде незаменим. И в этом заключалась его уверенность в том, что из редакции его не погонят никогда.

Но директор отчего-то нахмурился, будто бы и не разделяя совсем Жениной радости.

– А Вы... Вы правда ещё не слышали об изменениях в гра-

фе семь пункта десять закона о труде? Я надеюсь, что это так, дорогой мой... И что Вы не просто используете его недавнее принятие в думе чтобы выкроить себе ещё часок-другой на создание статьи... а и действительно просто не знали.

Главред Геннадий Юрьевич уставился на Женю с испытующим выражением... А Женя не знал что и думать и куда деться.

– А... А что за... Закон?..

– Вчера вечером... – директор с досадой бросил взгляд к себе на письменный стол, после долгого его пребывания на лице Жени, – ...Дума приняла закон... В седьмом чтении... Дорогой мой... О том что... Вернее что это не закон, а поправка... ну, вы поняли. Теперь деятельность творческого характера официально не поддерживается государством... и не будет больше спонсироваться. Понимаете?.. Вот... Остается только общественно нужная, всякая... конкретная работа. И... Без всяких там излишков. Поэтому все сотрудники в редакции должны либо перейти на нужную работу и писать четко и по делу – а значит быть и корреспондентом и редактором в одном лице... И... И, ну Вы поняли. Теперь мы не платим людям, которые только играют словами. Нам это ни к чему...

– Как... Как так – ни к чему?.. – опешил Женя, – Как так... без излишков?.. Я, разве излишки создаю?.. Я... Я разве не нужное дело для общества делаю?.. Ведь это же... Это...

– Я всё, всё понимаю, мой дорогой!.. – и директор уже не в первый раз за разговор всплеснул руками, словно бы отряхивая их, брезгливо так, как будто бы только что разделывал рыбу, да вынимал у неё внутренности и теперь хочет скорее забыть об этом неприятном для взора зрелище. – Но... Но Вы поймите... У нас ведь строгая иерархия. Я не могу пойти против тех, кто выше!.. Вы понимаете... И установка сейчас у партии другая – всё нужное... Только всё нужное... Всё самое нужное людям!.. И это верно в каком-то смысле, дорогой мой... Ведь, зная нынешнюю ситуацию... И в экономическом плане... понимаете... и ситуацию на фронтах... всё... всё это... Ну, людям теперь не до того, чтобы развлекать свои мозги! Им нужно бы хотябы найти средства удовлетворить свои желудки и тела – дом... кров, пища... Финансы и всё такое. Ну, Вы понимаете... что я Вам говорю-то?!.. – директор всё время очень нервничал и продолжал отряхиваться от невидимых потрохов, – А эти все... Изысканные способы развлечь своё восприятие... Какими-либо текстами... Смешными и, там... Навороченными... Ну, Вы поняли!.. Всё то что касается уже какого-то творчества – пиши для ума, это... Это уже кажется сегодня... на фоне всей ситуации... Необыкновенным излишеством!.. Ну, Вы пони-

маете!.. И это... Ни к чему. Нам нужно сейчас, всем, сосредоточиться на основной повестке... главной! Как, кстати, вчера по телепередаче товарищ Стинин тоже и сказал, почти так же... Это, говорит... Ну, как же это?.. Это сейчас основные... Да – основные!.. Направления всеобщего хода. Для живота, для кошелька, для страны. Вот... Ну, как-то так... Но Вы лучше, конечно, посмотрите уж сами – ведь я не совсем уж складно передаю... Да и кто я?.. Хэ-хэ-х!.. Я всего-то... Газетчик. А это!.. Товарищ Стинин – целый, поймите, дорогой мой, глава совета по культуре!.. Ну, ну что Вы!.. Конечно – как же я передам?.. Хэ-хэ!.. Вы лучше послушайте... сами. В вечерних новостях наверняка будут повторять.

И директор, внезапно как будто избавившись уже насосем от своей грязной рыбы, приобрёл вид ребёнка, едва только искупанного и обернутого в чистые пеленочки, и расплылся в улыбке – такой, что казалось такую она может быть только у человека, который чудесным образом взлетел в облака.

– Так... Что же?.. – неуверенно, но всё же спросил Женя, немножко погодя.

И этот вопрос тут же вернул главного редактора из облачных кущей к такой ненавистной ему рыбе.

– Ну... Ну, что, Вы сами не понимаете?.. Ну Вы же понимаете!.. Ну?.. Ну, Вам придется теперь, дорогой мой, либо писать, как Вы можете... Насколько Вы можете нехудожественно... И добывать самому темы для статей... Ну или... Или же... Ну или – Вы сами понимаете... Вот так-то...

Женя молча кивнул.

Вот так-то...

Да...

Что-то надо думать...

Женя попытался расслышать в оглушающей тишине, которая звучала в мозгу, хоть какую-нибудь дельную мысль... И пока пытался – вертел в руках картонный "компас".

– Это... Что у Вас? – спросил директор откуда-то сверху. Женя поднял глаза но не успел подумать – что же ответить. – Вы... Что же, ещё поделки делаете, да?.. Вроде как – своими руками... Правильно я Вас понимаю? Ну... Вы смотрите... поаккуратнее. В нынешней ситуации на Вас могут и донос за такое настрочить, но... Пока, конечно, нет. Пока что ещё партия снисходительно относится к тем кто... заблуждается. Ведь закон же только ещё вышел и... Не все успели перестроиться...

– Да... Нет. Это не я. – промямлил Женя, – Это... Вообще не знаю кто. Мне так... Под ноги упало. Сам не знаю откуда...

– Вот!.. Правильно! Если вдруг что – так и говорите всем... Потому что, я-то, конечно, Вас понимаю, Евгений Сергеевич... Мы с Вами, оба, люди в прошлом творческие... тьфу-тьфу... Но многие... знаете ли, сейчас могут и не понять... Потому что всё... для желудка, как бы... надо бы... Но... Но, хотя... Знаете – нет. Нет, нет... Эта отговорка выглядит слишком не реалистично. Вы лучше придумайте себе ещё, мой дорогой... Потому что партия сейчас прямо осуждает...

– Да почему же – отговорка?.. – немного безразлично ко всему от всего грянувшего над ним как гром ужаса, заметил Женя, – Нет... Это мне, правда, упало под ноги... Я сам и не знаю откуда... Дома были далеко. И голуби тоже... И это... Он вообще какой-то странный – он весь, как видите, из картона, а стрелка будто бы намагничена... – и Женя с безразличным выражением лица протянул директору картонную игрушку. – Сам и не знаю... Что это.

– А... А Вы точно... – задумавшись начал разглядывать игрушку директор, – Вы точно были на улице одни?.. Мой

до... Точно? – закончил он немного строго.

– Да, да... И ни-ко-го вокруг... Вы же знаете какая погода?.. Сейчас все сидят по домам...

– Ну да... Дорогой мой... Ведь... Вроде бы ещё и не дождь, но всё же... Атмосфера такая что – вот-вот польет. Да-аа... Я почему Вас, собственно, спрашиваю. Мне кажется что это, друг мой, не просто так. В этом что-то есть... Что-то против. Против привычных устоев и... Ну, как бы Вам сказать?.. Это как-то... немножечко в разрез идёт с привычной действительностью. Это похоже на агитационный билет – когда Вам что-то сверху сбрасывают под ноги, да ещё с таким... Вы видели, что это тут написано?..

– Где?

– Ну, там – куда указывает стрелка?..

– Ну, там... Какие-то цифры. Не знаю...

– А Вам не кажется что это похоже на широту и долготу, мой дорогой?.. Точнее на их обозначение?

Женя только и сделал что уныло пожал плечами, ведь всё что ему теперь казалось – так это то, что всё это, что проис-

ходит сейчас с ним, похоже на скорое увольнение. Ведь он и понятия не имел где искать темы для статей... А уж те кто делал это до того, прекрасно справятся с задачей сухо описать лишь основную суть произошедшего. Значит – денег не будет и с квартиры придётся съезжать. Ну, что же делать?.. Значит – так.

– А вот мне как раз кажется!.. – продолжал зажегшийся идеей главный редактор, – Ведь это... Ведь это точно долго-та и широта, мой дорогой!.. Вот! – и он торжествующе поднял палец вверх, – Вот это я Вам и поручаю узнать в первую очередь. Пусть будет это для Вас пробное задание – как раз и посмотрим, на что Вы способны в новом качестве. И дальше примем решение о продолжении с Вами сотрудничества, ну или... Ну, Вы понимаете, мой дорогой!.. Возможно Вы даже разоблачите подпольную шайку предателей и это будет очень хорошо... Ещё как хорошо для нас. Для всех нас!..

И Женя посмотрел на своего главного редактора и не поверил почти что в то, что всё это реально. Картонный компас?.. Новый закон, запрещающий всё, что связано с творчеством?.. Задание от главреда – непонятно какое, о чём и почему?.. И вообще – совершенно новый образ жизни, который теперь его ждёт?..

А может быть он всё ещё спит и сейчас снова проснётся – на этот раз уж в реальности, да и пойдёт на работу в редак-

цию как раньше...

Да, это было всё очень странно – всё то, что происходило сегодня. Это просто какой-то абсурд!.. Этого не может быть!..

Но компас был снова в его руке – на этот раз уже врученный ему начальскою рукой, а не упавший к нему с неба под ноги... И надо было встать и идти.

Я не могу писать о том Жене в первом лице... Так, как будто бы он был мной. Меня отвращает от этого какой-то неосознанный страх – как если бы у меня была клаустрофобия, а то моё старое тело было бы замкнутой душной комнатой. Чуть только я пытаюсь представить, почувствовать себя в той ещё, старого Жени, голове, как мне становится так непривычно и некомфортно, будто бы я очутился в самом

что ни на есть жарком и колючем свитере. Возможно именно поэтому я теряю дар речи и пытаюсь связать всё что было в канву... Хотя на сколько-нибудь понятную канву. А фразы я пишу отрывисто и как-то глупо. Как-то так, будто я и пишу в первый раз и вообще... Они все такие страшные и коровы и... пустые. Как и само то время. Кажется это от того. Аж сам не верю что я мог быть редактором. Вот сам бы читал это и не поверил. Сказал бы – на этого парня редакторов, как раз, хороших и нет. Таааак... Возможно это и пройдёт, когда я перейду уже к новому себе. Но это не произошло "вдруг". Это всё-таки путь...

Но пока я всё же оставляю свой этот корявый язык так как есть. Я не хочу пересматривать и менять. Сейчас я хочу только записать то что было, ведь кто знает, сколько на это осталось времени?.. Возможно – совсем ничтожное количество. Возможно даже стоит записать это как конспект... сухо, жестко?.. Тогда, может быть, и цензура пропустит... Хотя в печать что-ли?.. Нет – в какую печать?.. Я и сам не знаю – куда это деть, когда допишу. Но я должен поделиться, ведь я ответственен за мир. Хоть с теми, кого не знаю... И не знаю даже – будут ли они? И кто?.. Но возможно с сухим и жестким форматом их не осудят – тех, кто будет читать?.. Но и это у меня врядли удастся. Сейчас, мне кажется, врядли удастся у меня каждая из крайних степеней – и написать и красиво и складно, и написать сухо и без всяких эмоций.

И то и то я не совсем могу. Меня бьёт каким-то странным подобием лихорадочного озноба. От того, что произошло, от того что происходило, от того, что ещё может произойти... И возможно – мне не хочется сейчас красивого языка, ведь это черта того. Того что было. Мне кажется что если я сейчас напишу, пусть и плохо, но без вывертов – так это всё равно будет лучше. Гораздо лучше, чем если бы я писал с полной пустотой внутри, но заполнял листики красивым кружевом. Через него всё равно сквозила бы пустота... А может ли свет пробиваться через цемент?.. Если я грубо залью странички необделанной массой?..

Не знаю.

Лучше просто продолжу.

Из кабинета Женя вышел в полном смятении. Что делать?.. Вопрос. Первое что пришло на ум – так это кабинет картографии и то что там можно взять данные о широте и долготе. Где это вообще? Может – совсем близко. А может – и вообще написано наобум. Надо узнать.

В кабинете ему дали ориентиры. И это, действительно, очень близко. Какие-то скученные здания в той части города, где Женя почему-то никогда не был.

Нужно было идти посмотреть.

И он пошёл. Дождь уже пробежал по улицам и теперь лёгкий стылый свет отдельных лучей через тоненькие жиденькие тучи проливался сюда. К Жене... "Проливался сюда"?!. Это и вообще – так не говорится. И я не знаю, почему я так пишу... Но ладно.

В той части города дома стоят так близко друг к другу, так тесно, что это... Это и не похоже на все остальные места здесь.

"Наверное это и не дома вовсе, а бывший брошенный завод. – подумал Женя, – А теперь-то конечно – дома. Ведь нужно же селить куда-то людей."

Пока идёшь по двору "завода" – кругом тишина, и пусто... Аж даже шаги твои отражаются в стенах и бьют по ушам. Наверное все на работе. Если конечно здесь есть, вообще, эти "все". Но, да – раз над окном висит веревочка с развешенными детскими шортами и марками, то наверное есть.

Так...

Ну и где же здесь, скажите, искать предателей?..

И не опасны ли они вообще, эти предатели? А то ведь я с пустыми руками... Возможно нужно было хоть что-то взять в полицейском отделении? Хотя кто бы мне что-то там дал?..

В итоге, если сократить эту историю, Женя, то есть я, ходил по этому ЖК минут пятнадцать. И ни одной души. Ни одной. Только всюду следы жизни. Наверное работают. Да, работают... Нужно было идти ночью... Или вечером. Кто-нибудь может быть и был бы здесь. Но зато жив пока. "Ведь кто же их знает, – думал он, пока шел из забитого стенами пространства обратно, – предателей... Ещё как набросятся!.. Хотя я недавно ещё, получается, сам был чуть ли не предателем... Стро-чил что-то художественное... И ничего, ничего... Не набрасывался ни на кого. Даже не думал..."

Стоп. Вот, может быть потому?.. Потому я теперь не могу писать красиво, художественно, что это тот самый страх застал так глубоко с первого момента и до сих пор сидит там?.. Страх быть предателем?.. Страх сделать то, что 'нехорошо'?.. Может это он?

"Не думал... Ни на кого набрасываться..."

А внутри звучит всё ещё большая пустота, чем до того. Ведь теперь даже страшно подумать и те самые привычные мысли – фразочки наполненные пустотой. И пустота ещё громче. В ней гудят, призраками, какие-то смутные мысли, вопросы – мечутся, носятся, воют... Но они немного из другого мира.

Ты глушишь их все и пытаешься пропустить в этот мир

только те, что можно – мысли о нужном. О том, что жизненно важно... как бы.

Жизненно важно – "Нужно найти выход... Нужно найти выход... А как его найдёшь?.."

Женя уже полностью потерялся во всей этой бетонной неразберихе и теперь ему бы очень понадобился, кажется, и новый, настоящий компас, чтобы выбраться... Интересно – такие бросают?.. Бросают оттуда?..

Интересно – а это уже творческая мысль или нет? Ведь есть здесь для меня уже что-то смешное... И уголок рта уже, посмеиваясь, полез вверх... Но это только старая привычка... Мало ли к чему приведёт эта странная вещь?.. Ведь если уж и на высшем уровне занялись вопросом... То уж наверное это, и правда, вредно... Губительно может быть даже... Надо разучиваться. Могут и погубить такие странные вещи... не нужные...

Вот – девушка... Нужно спросить...

– Девушка!.. Вы не подскажите, где здесь выход?..

– Зде...

Огромные испуганные глаза.

– Ну, всмысле – из этой бетонной штуковины?.. Наружу?

– А... Там. – испуганно указывает вдаль – туда, откуда сама и пришла. А сама ни туда не смотрит, ни на Женю. Смущается, видимо, сильно. Голову опустила и всё. – Прямо пройдёте... И справа тоннель увидите в доме, ну... арка. Под ней... И выйдете.

– А-а-аа!.. Спасибо! Да, точно... Я кажется здесь был в самом начале. Спасибо ещё раз!..

Кивнула, и дальше вниз смотрит. Так и идёт.

Аж захотелось её чуть развеселить.

– А какой грр-ром сегодня был!.. Слышали?.. Ух-хх!.. Какой-то такой... Большой. Как из... Из глубины времён!.. Да?.. – и весело улыбнулся.

Подняла глаза, посмотрела – большими круглыми глазами. И взгляд теперь непонятный – не весёлый, но и не испуганный уже. Как тот свет, что сейчас после грозы – из-за тус. Тускловатый, холодноватый ещё, но... как будто солнце через тучи. Что-то такое. Вроде того.

– Ага.

И встала на месте, и смотрит.

И Женьке что-то стало не по себе, и он сам закивал, глядя то вниз, то только на секундочку на девушку... и стал уходить.

– Ну!.. Всего доброго!..

Раскланиваясь стал продвигаться к обещанному тоннелю,

– Спасибо. И Вам. – задумчиво ответила девушка и продолжила смотреть на него.

Женька чуть ли не добежал до выхода из бетонной клетки, и только когда вышел наружу и пробежал немножечко ещё, пошёл наконец поспокойнее.

"А стоп! – подумалось ему тогда, – Девушка! Ведь девушка же!.. Так я же хоть кого-нибудь искал, хоть кого-то хотел встретить. И?.. Встретил?.. Ну и что?.. Испугался чего-то как маленький мальчишка?.. Да вроде бы я и не испугался. Со всем... Я просто забыл. Забыл так быстро, что вообще кого-то и что-то искал... – сам не заметив того, он почему-то зашагал обратно. Как будто надеясь ещё вернуться в прошедший момент. Ведь где же он теперь стал бы искать эту де-

вушку в большой бетонной неразберихе, из которой он только что еле выбрался?.. – Да, да, наверное просто забыл. И вот, что это было, наверное, что меня там останавливало там – чувство что я же должен что-то вспомнить... И аж даже заговорил на непонятные темы какие-то... Гром, мол. Ещё как сдаст меня к полицейским, что... Мол – художественные у него какие-то размышления: "из глубины времён", там... Хотя?.. Может это как раз одна из них?.. Из "предателей"? Это хорошо ещё, тогда, что я живым выбрался! А то ещё как набросилась бы... Со страху!.. Хэ-хэ!.. Да уж... У неё слишком испуганное выражение было чтобы нападать! Это что же у меня опять от каких-то ненужных мыслей улыбка лезет вбок? Нужно бросать этим заниматься – веселить себя всякими мыслями. Нужные мысли – они не будут смешными."

А потом он остановился, оказавшись снова у самой бетонной машины.

"И зачем я сюда пришёл?.. А кстати... – он достал из кармана картонный компас и посмотрел на него с интересом, – Он вообще сюда показывает или?.. Ну да, сюда. Вроде."

Поднял голову и неожиданно – что бы вы думали? Снова увидел девушку. Ту. Всё ту же девушку. Наверное. Полностью было не разобрать, ведь она – наверху. На доме. Да, да – на доме. Там ещё растёт тоненькое деревце прямо из крыши, как иногда на развалинах. И как это он сразу не заме-

тил? Ведь это так интересно, что деревце растёт из крыши. А он и не видел как будто в первый раз. А девушка просто ходит рядом по крыше и что-то... что-то держит в руках такое... А, да – это книга наверное. Книгу читает. Ну, ясно. И правильно. В верхних слоях атмосферы воздух, конечно, другой. Это верно... Та-аак... И что же дальше?..

Пока отыскивал в голове мысли – стал снова глядеть на компас. И даже не сразу заметил что что-то изменилось. Но позже, всё-таки обратил внимание. Стрелка стала показывать в другую сторону. И надпись под стрелкой теперь находилась тоже там – в той другой стороне. А как это может быть – он так и не понял. Стоял он на одном месте. Только что она показывала тебе на бетонные дома, а теперь – и направление резко изменилось, и даже надпись, казалось что "перешла" по картонному кругу в сторону. Это странно.

Пойти теперь в отделение картографии и запросить новые цифры?.. Так цифры-то, вроде бы те же. Но, кто его знает?.. Да и вообще – обед. Сейчас во всём отделении должен быть обед и никто сейчас его принимать не будет и подсказывать ему что делать дальше тоже не будет. Ведь сейчас у всех мысли о важном – "Польза для желудка!..", и тому подобное. И это даже до выхода нового этого закона так было – как обед, так все мысли у людей только о нужном. Ну ладно.

И что ж?.. Сходить, что ли, в этом направлении – куда теперь-то стрелка указывает?.. Ну, можно. Ходьба полезна

для здоровья, как доказали исследователи из... Откуда же были эти исследователи?..

Напоследок он достал фотоаппарат, который взял в отделении цифры чтобы заснять документальные кадры для статьи. Хотя как бы он, собственно, это сделал, спрашивается, если бы обнаружил, в конце концов, настоящих предателей? Он попросил бы их всех сесть вместе и расположиться по росту, наверное, да улыбнуться в камеру. Так что ли?.. Ха, ха!.. Опять поползла улыбка. Да и ладно уж. Нельзя же так сразу отвыкать. От старых и вредных привычек. Тем более что никто и не видит. Пока можно. Пока обед. Пока никого нигде нет, кроме столовых. Пока все думают о важном. Чуть-чуть ещё поразвлечься, раз кроме своих, хоть чуть веселеньких мыслей, особо радостного ничего пока не предвидится.

Он сфотографировал весь этот никому не нужный бетонный массив, на всякий случай. А вдруг пригодится?.. И зашагал в том направлении в котором указывала стрелка.

"В конце концов, – думал он пока шёл, – это хоть что-то, что пока что идёт в этом мире не по чётко намеченной схеме. Не так как тебе приказали, сказали, указали. – подбирать похожие слова со схожим смыслом и выбирать из них самое благозвучное для предложения – ещё одна старая привычка из редакторского прошлого. – А это иногда и интересно... А, плюнуть пока, думаю, можно на все эти "важное" и "не важное" и думать что хочу. Пока иду.

Он шёл, и всё смотрел на свой компас и только развлекался в мыслях... Он, для начала, решил представить – как бы он так написал статью в газете, если бы ему поручили описывать эту незнакомку. Он стал думать и подбирать слова – поумнее и поинтереснее, разумеется. Он стал шутить по поводу её платья, и сравнивать с разными архитектурными стилями черты её лица... Вот, например – нос. В нём что-то от древнеримской колонны на храме... Или щёки – они похожи на большие гранитные плиты, которыми часто облицованы набережные... Или лоб... Или виски... Брови... Ресницы. И так он, наконец, добрался до глаз. И наконец задумался совсем. И мысли, как будто стали в нём медленней двигаться – не так, как раньше и только что – подобно танцорам испанских танцев, умопомрачительно быстро исполняющих па и крутя ногами с бешеной скоростью, да так, что даже не всегда и разглядишь... А так – как-то, спокойней. Тише. Как будто бы просто пошли прямо, вперед, вместо бесчисленных па, которые крутились на одном месте. Наверное они тоже замерзли – он чувствовал, что всё больше замерзал. Всё холоднее становилось снаружи, и ветер иногда прямо таки трепал его за щёки и чуть ли не срывал шарф. Её глаза... В них есть что-то... От какой-то другой архитектуры. Какое-то окно, что-ли?.. Да, да – скорее – обычное, простое окно, на каком-то ветхом домике... Такое... Просто... Окно. Теплое, светящееся. Что-то из детства... Какие-то смутные образы... Ветер не дал додумать. Так резко он подул и понёс прямо

на лицо целое цунами из снежинок, что ему пришлось уворачиваться и резко отбросить голову. Воспоминание так же слетело куда-то, как если бы оно было пугливой птичкой, которую он спугнул резким движением. Вокруг был лес. Так неожиданно он очутился в лесу, что даже и не заметил!.. Как будто в одно мгновение этот лес сам вырос вокруг него. И даже ничуть не было видно домов или дорог сзади между деревьями, когда он обернулся. И снег. А вообще-то откуда здесь снег?.. И ветер и мороз?.. Ведь было лето. Было.

"Вот так дело... – подумал он, – Так это ещё в ту-то сторону он показывает. А вот обратно-то как?.."

Действительно – в обратную сторону его компас ещё не показывал. Стрелка тянулась только по направлению движения. И это было жутко. Идти неведь куда, когда и не знаешь, вообще – выберешься ли потом, или нет?.. Но надо было идти. Что же делать?.. К тому же, если сейчас и вернуться – так что же?.. Ведь увольнения не избежать. И так же ты будешь в том городе, откуда и пришёл, совсем одинок, без крова и без еды. Всё, как и здесь. В лесу. Так в чём же разница?.. И Женя вздохнул и нехотя поплелся дальше. Так и идти...

Вот только звери. Эта мысль заставила остановиться. Вот этим-то, пожалуй, его город и был чуть лучше, чем этот лес. Ведь тут могут быть дикие звери!.. И Женя непроизвольно задрожал. Но хотя – крик начальника ещё и пострашней будет, может быть, рева зверей, которые могут встретиться... Ну, да ладно. И он пошёл дальше, хотя и не знал совершенно,

чего же ему дальше ждать. Во всяком случае, что бы сейчас с ним в пути не случилось – всегда можно себя успокоить тем, что это будет очень хороший повод для статьи. Пусть – и той, что напишет уже кто-то совсем другой. А не он... Ну и пусть. Зато – повод хороший. Хотя как он этот повод тому кому-то другому передаст?.. Неизвестно. Сколько ненужных, непонятных мыслей!.. Они сами – такие же непонятные, неизвестно откуда взявшиеся, абсурдные, как и этот лес из неоткуда, этот мороз и снег летом...

Мысли стали внутри уж совсем замирать, а сам он шёл, совсем уже скукожившись и едва только удерживая тепло, чтобы оно и совсем от него не улетело, как пар от дыхания на морозе. И ещё старался греть фотоаппарат – что бы он уж совсем не отключился, ведь на морозе, побыв даже немного в холоде, такая техника ох как часто отказывалась потом работать!.. И весь он, согнувшись, и все мысли, которые настолько сильно съежились и уменьшились, что больше ни на что почти, наверное уж и не способны, кажется, просто кучкой собрались вокруг этого фотоаппарата – согревая его и пригреваясь сами. Как рой пчёл зимой в улье.

Внезапно этот самый, обогретый со всех сторон аппарат оказался открыт всем ветрам и снегам, потому что его Женя резко направил вперёд – туда, где он увидел что-то. И это была такая же реакция, как у охотника с ружьём, мимо которого пролетела птица. Там что-то светилось... И, да, это был дом. Возможно ему не показалось.

Что же это вообще происходит?.. Похоже было просто на сдвиг в сознании. Как будто он сходит с ума. Хотя не было, всё-таки, ощущения, что всё не реально. Как будто бы даже наоборот.

Я до сих пор не пойму – как же именно это произошло. Как такие странные вещи стали появляться вокруг? Как это?.. Возможно что ты попал в какое-то другой измерение, Женька?.. Но...

Женя сделал ещё одну фотографию, где дом было бы видно поближе. Он был красивый. И вправду красивый. Вернее – в нём не было чего-то, уж явно вычурного и очень уж нарядного – так, просто дом: ни тебе завитушек в огромном количестве, как делали в эпоху рококо или барокко... Ни возвышенных высоких сводов грозно-воздушной готики... Ни, хотя бы, даже, сухо-твердой величественности Сталинского ампира... А это Женя сразу неприминул заметить. Он очень даже любил писать и даже думать такими вот... интересными и точными историческими, техническими и научными определениями. Как будто бы он был учебник какой, анализирующий всё в мире происходящее со стороны исключительно точных наук. Это привычка осталась от написания "нужных", как теперь сказали бы, статей.

Ни тебе какой-нибудь яркой иллюминации как на доми-

ке, украшенном к Рождеству – какие обычно изображают на картинках и открытках, или какими делают игрушечные домики в больших стеклянных шарах, или в виде каких делают иногда елочные игрушки. Нет, ничего такого не было. Но от того, что повсюду лежал снег, и как бы, даже сглаживал все очертания и острые углы – что у основания, у фундамента домика, что у крыши... Что у крыльца... так и от того, что всюду – со всех сторон и у каждого окна или двери светился маленький уличный фонарь в обрамлении из железных полосок... И ещё от того, что в каждом (в каждом!!!) окне горел теплый приятный желтоватый свет – вот, от всего этого тот домик смотрелся, как будто бы, перенесенным сюда из сказки. А впрочем – ведь это могла быть и действительно сказка?.. Он ещё и не знал. Ведь есть же откуда-то у людей все эти истории про Санту Клауса и Деда Мороза?.. Где-то ведь они-то их когда-то и взяли?.. А вдруг – что-то такое, и правда, существует? Ведь всё может быть. И в любом случае – это будет хороший повод для статьи. Очень даже хороший.

Женя подобрался поближе к крыльцу... сам не зная, зачем, стараясь еле ступать по скрипучему снегу... Как будто бы он хотел подойти туда тайком. Но в его планы и не входило ведь, вроде бы, скрываться?..

"Но там, наверное, мно-го, много людей... – думал он, – И ещё ведь неизвестно – каких. Но то, что много – э-то точно. Иначе свет во всех окнах не горел бы. Но что же?.. Теперь?.. Уже не поедешь назад и... И надо сразу будет идти с напо-

ром. Сразу говорить с позиции силы. Тогда не набросятся, наверное, сразу!.. Даже если это там – какие-то злые люди... Или даже не люди вообще?!"

Но Женя постарался больше даже не думать об этом – кто там, и как... Ведь, конечно – даже если это и сказка, то в сказке ведь бывают и монстры и страшилища иногда... И разбойники. Но во всяком случае – там, в этом удивительном доме наверное будет (если и будет) хоть что-то только одно из всей этой большой оравы сказочных злых существ. Ведь врядли там именно сейчас проводится всеобщее собрание злых сил из сказок – их клуб по интересам такой вот... Это очень врядли. А вот в голове твоей, если ты только об этом думаешь, вдруг объединяются все ужасы, возможные и не очень на этой земле, и все, разом, начинают тебя усиленно пугать. Поэтому, уж в таких случаях гораздо лучше быстрее встретить в дверях какого-нибудь одного монстра – всего одного вида и наименования и радостно броситься ему на шею, и с невероятным облегчением воскликнуть: -"Да, монстрик же ты мой, дорогой!.. Да как же ж хорошо, что я тебя встретил!.. Одного!!! Без разбойников, циклопов, Бабок Ежек и леших, и всех, кто там у меня в голове крутился!.." Так будет, уж кажется, гораздо легче. Улыбка от этой мысли опять поползла вверх.

Женя подошёл к крыльцу и с большой опаской сделал шаг на первую ступеньку. Он даже зажмурился, когда ставил на

неё ногу. Но ступенька не сильно закрипела, точнее даже и не скрипнула вообще, а только немножко отозвалась в ответ на его шаг глухим гулом. Женя набрался смелости и разом взбежал наверх до самой последней ступеньки. И опять замер, как вкопанный перед дверью, не решаясь ни позвонить, ни постучать. Хотя, по правде говоря – как позвонить он и вовсе не знал. Ведь это была не обычная городская квартира с электрическим звонком на двери. Но и как просто постучать в дверь, он, кажется, тоже теперь, очень даже забыл... Но наконец Женя, всё-таки дотянулся дрожащей рукою до двери и едва слышно постучал. Он понял, что наверное – это было уж очень слабо... Совсем недостаточно. Ведь, не то что бы – кто-то там, внутри, а и он сам, здесь, перед дверью, едва расслышал свой стук. Так ему, конечно же, никто не откроет. И он вспомнил, что нужно быть напористым и сразу показать свою силу – ведь если ты сразу подходишь с позиции силы, то даже и самый отъявленный монстр может, из-за первого внушительного впечатления, перед тобой спасовать. Ведь если человек смел и силен – так значит он знает, что есть на это причины. И если уж он лезет на рожон, так значит – он твёрдо знает и не сомневается даже, что в случае если завяжется схватка, на его стороне будет сила. И Женя со всей силы, не помня самого себя, заколотил ногой об дверь. И так колотил долго, пока уже очень сильно не заболела нога. И тогда он остановился, чтобы чуть-чуть отдышаться, и услышал лёгкие торопливые шаги где-то внутри дома – такие, как

будто бы горох сыпался по ступенькам – сверху вниз.

"Ну, всё-оо... – подумал Женя, – Конец пришёл."

И зачем-то – от страха, наверное – он ещё пару раз со всей силы ударил ногой в дверь.

– Откройте!.. – попытался он, для виду, сказать нарочито грозно и даже возмущенно. Но хоть более менее грозно и возмущённо у него вышло ещё только "Откр...", а вот "йте" – уже вышло и совсем тихо, совсем робко и испуганно. Как будто бы вдруг к нему кто-то подкрался на середине этого слова и приставил к виску пистолет.

– Кто?! Э-то?.. – с тем же почти изменением тона с уверенного и грозного на тихий и замирающий, отозвалось что-то из-за двери.

А Женя подумал: -"Действительно – кто?.. Чего же сказать?.. Надо было пораньше думать..."

Ведь это, действительно очень важно в человеческом мире – кем ты с первого же раза назовёшься. Ведь люди, обычно и судят по первому впечатлению. А Женя, как уже говорилось, в правилах и негласных и гласных человеческого мира, был очень даже умел и натаскан. И очень даже проворен. Как и в своих статьях.

Так странно что он так сильно испугался здесь – у этого маленького домика с теплым светом, который, казалось бы, не сулил ничего плохого, а наоборот – который весь так и

светился, кажется, добром и уютом – как будто бы он сошёл со страницы детской сказки... Такая милая простая иллюстрация.

Но он так испугался, что было и действительно не по себе. Так это странно, как и всё что происходило в тот день!..

Ведь даже в пустынной бетонной коробке старого завода, где не было ни души, он почти что не почувствовал страха. Хотя те стены, уж были недружелюбны и казались грубыми, грозными. А здесь?.. Наверное это от того что там – он был в городе. В привычном, подчиненном строгим правилам спущенным сверху, городишке. А здесь – неизвестный лес, живущий по неизвестным законам и порядкам... Возможно это и вообще какая-то волшебная сказка, правда, в которой невесть что происходит. И...

Это похоже на то, как он испугался немного той девушки, и она тоже испугалась его. Ведь по сути им больше надо было бы опасаться пустого безлюдного серого района, а не добродушно настроенного собеседника!..

И что же сказать этому голосу за дверью?

– Это я... – наконец выпалил Женя и заметил что смущенно опустил голову. Хотя ведь никто ещё не стоял перед ним – точнее стоял наверное, но за дверью.

Деревянная преграда между ним и голосом медленно отворилась. Молодая девушка растерянно глядела на него изнутри и видимо тоже не знала что сказать. Такое ощущение

было, что она на кого-то похожа. Но на кого – он так и не понял тогда.

– Вы... Что-то хотели?.. – спросила вежливо девушка, так до конца и не открыв дверь. Она выглядывала, согнувшись зачем-то, из-за неё, приоткрытой, и свет из домика лишь немного падал на снежное крыльцо – как свет из-за туч.

– Я... Я... – и Женя опять не знал, что сказать. Хотя уже и перестал так сильно бояться.

– Вы наверное заблудились в лесу?.. – начала догадываться девушка и немного распрямившись побольше открыла дверь. – И вышли случайно на мой домик? Вы замёрзли наверное? – она уж и совсем распахнула дверь, и уставилась на Женю так же широко распахнутыми глазами. Из комнаты на него полился свет.

– Да... Но... не совсем. – начал подбирать слова Женя. Это тебе не статья, а жизнь. А с настоящими людьми он, откровенно говоря, общался редко. И ещё не знал, как это сделать...

Стоп, стоп. Возможно это и сейчас так работает?.. Я раньше умел, конечно, общаться с людьми – на расстоянии. Через свои статьи. Но это было так, будто я общаюсь с кем-то,

кто неодушевлен... По крайней мере для меня. Я их не вижу и не чувствую. А вот теперь – я кажется стал смотреть на людей, даже которых не знаю, получше... Как на живых. И может быть поэтому я, как и тогда перед девушкой, не всегда могу подобрать слова, сидя перед той же бумагой... Только уже живой?.. Может быть... Хотя теперь, когда я перешёл уже к домику, мне стало немножко как-то спокойнее... Тише. Как будто до этого мне приходилось всё время бежать и мотаться по холодной пустой тишине, вместе с тем Женей, и обжигаться об неё, колотьясь об неё – об эту тишину и пустоту. А теперь меня, наконец усадили в теплое кресло и я чувствую себя в своей тарелке. Ну как-то так. Возможно что теперь и получится писать хоть как-то более складно. Ну, я надеюсь...

– Но... не совсем. – начал объяснять Женя, – Возможно что Вы... Ну, или кто-то из тех, кто... с Вами... меня сам позвал. Вы никого не ждёте сегодня? Никого не звали?.. Может быть – не меня совсем, а кого-то... И ко мне просто попал Ваш адрес...

– Да нет, что Вы!.. Я... никого. Ко мне ходят, конечно, многие... Но это постоянные мои гости. – отвечала девушка, – И я сразу поняла, что Вы кто-то посторонний... И потому даже... Вы уж простите меня, глупую такую, немного испугалась. Ведь Вы постучали.

– Постучал?..

– Да, да – постучали!.. В дверь. Ведь тем, кто меня знает, совсем и не нужно стучать. Они сами могут открыть. Да им и не нужно открывать дверь. Это она – для меня, такой большой... Чтобы я, если что, пролезла. А голуби влетают через окно в чердаке... Белки у нас любят запрыгивать в окно, которое выходит на заднюю часть полянки... А кроты – через подвал. Есть ещё те, конечно, кто приходит через камин, через свет лампы, через книжные страницы, ну и так далее... но это уже и совсем другие посетители. А... Вы?..

И девушка хотела наверное сформулировать вопрос о том, кто я такой. Но я сам, первый, стал объяснять.

– Вы, видите ли... У меня сегодня... – я достал свой компас из кармана, – Оказалась вот эта вот штука, понимаете...

– Да Вы заходите, заходите!.. – прервала девушка и замала руками, – Чего же я это?.. Такой ведь мороз!

– Ага, спасибо... – пробубнил я и зашёл внутрь. На мохнатом коврикe стал оббивать один о другой свои летние кроссовки, а девушка обошла меня и закрыла сзади дверь. Внутри было очень тепло. И светло. Очень. – Вы понимаете... Я

этот компас нашёл просто так, на улице. И на нём были указаны Ваши координаты... Или... Как сказать – не Ваши. Наверное... Просто его стрелка указывает на Ваш домик и... Вот я и пришёл. Вот...

– Какой компас?.. – глаза у девушки раскрылись ещё шире. – Вы не дадите взглянуть?..

– Да, да. Конечно. Вот – он.
Я протянул ей компас.

– Но... Но это же просто моя игрушка!.. – засмеялась девушка и с недоверием взглянула на меня. Наверное думала, что я её разыгрываю. – И где Вы её взяли?.. Ах, да – Вы же сказали что на улице. Наверное кто-то выбросил. Очень жаль что их кто-то выбрасывает... Наверное просто случайно так...

– Это Вы делаете?

– Да, да... Из картона... Но... Наверное просто кто-то выбросил её на улице, а Вы и нашли. Вот и всё!.. Но в любом случае – добро пожаловать, раз уж Вы тут! – и девушка радостно улыбнулась.

– Да нет... Ну, то есть, спасибо за добро пожаловать, ко-

нечно, но... – замялся я снова, – Но в том-то и дело, что я не нашёл это на улице, а... Видите ли... Это странно сказать, но это свалилось мне под ноги сверху. А там никого... видите ли, не было... Только так – голуби, но вдалеке...

– Голуби?!.. – глаза у девушки становились всё шире и шире. И уже не понятно было, есть ли у них предел, за которым они больше не смогут расшириться. – Сейчас, подождите секундочку...

И девушка, нахмурившись немного, и что-то пробурчав себе под нос, немножко неуклюже зашагала в какой-то закуток справа.

Я огляделся и стал думать... И что же всё это значит? Возможно что девушка немного сумасшедшая. Ведь что это за разговоры о том, что к ней через чердак летают голуби а кроты лезут через подвал? Возможно что здесь меня ждёт непонятно и вообще что. Какие-то странности и опасности. Но мне почему-то не хочется уходить. Не сумасшедший ли я сам, ведь у меня тоже теперь происходят вещи не очень-то и правдоподобные, если их рассказать вслух. Скажи кому-нибудь что у тебя вокруг вдруг вырос густой лес. И вдруг пошёл снег летом... И свалился совсем из неоткуда бумажный компас под ноги. Бумажный!.. Который сделала девушка, живущая по непонятному адресу, в лесу, и к которой в

гости приходят кроты и белки. Это ещё как звучит подобно бреду.

Девушка вернулась с большим деревянным лотком в руках. В лотке было много, много бумажек разного, разного размера.

– Ну, да... – пробурчала девушка ещё перелистывая свои бумажечки, – Да, всё так!.. Я сверилась с картотекой – это не должно было попасть к Вам. Скажите, Вам сколько лет?

– Двадцать восемь.

– Ага. Да. Это точно не должны были быть Вы. Точно. Скажите а... Ну ладно – потом выясним. Вот как хорошо вести всему точный учёт! Я завела картотеку на всякий случай и вписываю туда все те игрушки, которые отправляю. Вот, так и чувствовала, что мне это однажды пригодится!..

– И... Как же, по Вашему, это могло бы попасть ко мне?.. Нет, нет, Вы не подумайте что мне это как-то досадно, что ко мне попало, или что-то такое... Но просто интересно. Из-за чего же я это шёл столько времени по Вашему лесу и мерз под снегом?

Она ещё раз перелистала вкладыши в своей картотеке с

ужасно озабоченным и нахмуренным выражением лица.

– Я не знаю... Должно быть – голубь ошибся... Один из них, наверное выронил это случайно?.. Я... я узнаю позже. Они ещё не вернулись. Вы-ронил... Не в том месте. Вы простите за то что доставила Вам такие хлопоты, но!.. я, честное слово, не хотела. Не знаю, даже – как это к Вам попало!.. Я ведь... Я... Ну, у меня чётко написано, что это должно было попасть к какому-то маленькому мальчику... Ко-то-рый ещё не умеет находить ни реальные стороны света, ни ориентироваться в пространстве... как бы Вам сказать?.. Не знает – куда идти и к чему же ему стремиться в этом мире. Вот, как-то так... Да, об этом мы точно договорились. И это они должны были... Но и надпись была другая!.. Да, подождите!.. Да здесь ведь указаны точная широта и долгота!.. Но... Но я писала на компасе только – "Тепло", "Правда", "Добро", "Любовь"... Да, это была – всего лишь игрушка... Маленькая, незатейливая... Да я и сама, по правде, не знаю свой адрес... Ну, то есть – свой точный адрес. Мы все, наверное, знаем – где мы живём, но знаем мы номер дома, а уж совсем не долготу и широту... Ведь это... Это же почти и не используется. Ведь для того, чтобы найти кого-то – достаточно лишь тех обозначений, что на карте написать придумали люди... Название улицы, посёлка... Ведь этого нам вполне достаточно, кажется, чтобы сориентироваться в той части мира, где есть люди. Долгота и широта – это уж, ско-

рее, обозначение для чего-то природного... Неподвластно-го человеку. Ведь это – скорее то, где что-нибудь находится относительно всего мира, мира вообще, а не жизни, как человек её понимает... Не жизни конкретного человека. Это странно, что здесь... Я, знаете, никогда об этом не задумывалась. А вот... Так я даже и не задумывалась о широте и долготе!.. А как же я бы могла их тогда написать?.. Вы сами понимаете – это нелепо... Это была простая игрушка, с таким... тёплым намёком на то что важно в жизни. Чтобы маленький человечек увидел, прочёл и задумался. И возможно – в какой-нибудь трудный и важный момент его жизни он, стоя на распутье, вспомнит вот эту вот маленькую игрушечку и это поможет ему сделать выбор... Ведь, знаете – иногда бывает так, что самые простые вещи так западают в память и так... так сильно сказываются на нашей жизни!.. Ну, Вы знаете, наверное. Это просто незатейливая игрушка. Я люблю делать всякие такие безделушки... В основном из брошенных коробок... и рассылать их по свету. Ведь это может хоть что-нибудь, да и изменить!.. Хотя бы зажечь улыбку на чьем-то личике на чуть-чуть. Вы знаете, у меня много таких вещей – есть маленькие кони – как кони-качалки, какие бывают у детей... Есть облачка, цветочки, мишки... Ну и всякое такое... А так – есть ещё и не игрушки, тоже – там, знаете... Картинки, фото красивые, тексты... Даже иногда и просто шишки или ветки еловые. Но их голубям нести неудобно... А иногда и всякие разные... я, знаете, делаю ещё иногда по-

делки из всяких природных материалов – ну, разные штуки. Но на это у меня, почему-то, терпения не всегда хватает – так, чтобы сделать уж прямо хорошую вещь...

– А Вы... Как сказать – кем-то наняты, что бы это... Рассылать?.. Уж не знаю, как Вы это делаете!..

– Я?.. Ну, я, как бы, вызвалась... Потому что мне это нравится. Но не суть... Да Вы проходите, проходите, снимайте Ваш шарф, а я сейчас поставлю чаю!.. Уж раз такая нелепая ошибка вышла, то... что ж!.. Вам нужно уж хотя бы согреться. Я всегда очень рада гостям! Хотя таких как Вы ещё, честно говоря, не было...

И девушка заспешила куда-то из коридора. Я стал послушно снимать с себя шарф. А она вернулась, всё в том же быстром темпе, и выглянув из-за угла добавила:

– Когда разденетесь – проходите пожалуйста сюда вот, налево. Там можно руки помыть. А потом жду Вас на кухню – это прямо. Мы будем пить чай. Я Вам сейчас заварю смородинового... Вы проходите, проходите...

И снова убежала. И снова вернулась.

– Вы шарф можете там повесить... Я сейчас.

И убежала. Опять. Забавная! Я стал вешать шарф туда, куда мне показали – на деревянную вешалку у двери и... Не успел я дойти до рукомошника, как мне стало немножечко жутко. Откуда же у меня шарф? Ведь у меня не было шарфа... Не было. Но мне, уже кажется, просто неприлично удивляться тому, что появился из неоткуда всего лишь шарф, в то время как я уже спокойно принял к сведению то что появился целый лес.

"Единственное что странно, – думал я, пока мыл руки в воде из под крана. И вода, если честно, была хрустально чистая какая-то... И мыло очень душистое – и ягодами пахло, и травами, и немножко цветами. – так это то, что я как будто бы чувствую его своим... этот шарф. Как будто бы он был мой, как будто бы я знаю его сто лет уже и...

– Вам сколько сахару – две или три?..

Опять выглянула из-за угла девушка.

– Две. – ответил я скромный.

– Угу...

Уже через пол минуты я был на кухне. Она была большой. Даже очень большой. Здесь помещались и столы, очевидно, для готовки, и большой, большой обеденный стол со мно-

жеством стульев, и множество всяких шкафов с кучей баночек, и скляночек, и коробочек, и всего, всего. Такое большое хозяйство у одной девушки?.. Это немножечко странно. Хотя и не более странно чем всё вокруг. Здесь всё похоже на какие-то такие интерьеры, которые обычно рисуют на иллюстрациях к сказкам. Как например в норе какого-нибудь барсука или енота. Какое-то всё такое... Не знаю.

– Вы садитесь... Куда-нибудь... – она указала на весь стол и на все стулья.

– Спасибо. У Вас столько стульев. Наверное в доме бывает много гостей? Ну, там... Белок?..

– Нет, нет... Что Вы. Просто... Просто нужно всегда быть готовой. Ведь у меня даже запас провизии такой, чтобы на всех хватило – на многих гостей... Если вдруг они придут.

– И... Приходят?..

– Нет. Редко. – сказала она и прервалась, чтобы достать с полки банку с травами. – Вы знаете, вот таких как Вы ещё и не было совсем... Один раз у меня в гостях был человек. Всего один, который, казалось, хотел зайти и посмотреть, что у меня внутри. И... Я его впустила и думала, что он станет вести себя здесь подобающе. Мне так показалось, что он вот-

вот полюбит мой дом точно так же, как я его люблю. И я даже готова была разделить этот дом с ним... Но... Всё закончилось тем, что этот человек ушёл, а мне пришлось долго ещё делать здесь ремонт... После того как он устроил здесь некоторый разгром. Мой Отец очень мне в этом помогал. Но всё же я долго ещё не могла восстановить всё до самого правильного состояния. Особенно сложно было с дырою в стене. Он пробил мне такую большую дыру!.. Что, во первых, всем стало снаружи видно немножко того, как внутри я живу... И во вторых снаружи нанесло столько снега!.. Мороз стоял крепкий и тут просто... Многое обледенело, понимаете... Вот... И с тех пор я дала себе слово, что буду избирательнее в том вопросе – кого пускать, а кого нет...

– Так, то есть я подхожу?.. – усмехнулся немножко Женя.

– Нет, нет... Ну, то есть – не в том смысле, конечно, что Вы... не подходите... – замялась она, – Просто я Вас и забыла, если честно, с такой стороны оценить... Вы как-то так резко нагрязнули. И сами постучали и... Обычно, понимаете, хоть я и дала себе слово – мне совершенно не к кому это моё обещание применять. Обычно никто и не хочет сюда попасть... Мой дом – он простой и невзрачный снаружи и никому совершенно не интересно узнать что там внутри. Вот так вот как-то получается...

– А я, получается, застал Вас врасплох!..

– Ну, да, получается.

Улыбнулась девушка. Она расставляла по столу пирожки и булочки, печенье и какие-то корзиночки с кремом, повидлом, маком, изюмом, яблоком... Всем подряд. Я даже всё не запомнил. И всё выглядело абсолютно свежим и... Как это она успела всё это испечь за короткое время, раз всё это такое свежее?.. Хотя может быть где-то здесь поблизости в лесу есть какая-то хорошая пекарня?..

– Вы так сильно удивили меня своим появлением, что мы с Вами даже забыли познакомиться!.. Очень приятно! Я Аля.

– Ага. Я Женя. Мне тоже очень приятно... А... Аля это, простите пожалуйста, как целиком?..

– В смысле?.. – не поняла девушка.

– Ну... Аля – это как в полной версии будет – Алина?.. Алевтина? Александра может быть?

– Я... Я... Можно просто Аля. Мне так больше нравится. Тем более дома я – Аля. Здесь меня все именно так называют... Ну... Иногда ещё, бывает что и с уменьшительно-ласкательными... Но... Это уже близкие.

Аля разлила чай и долго расправляя юбку принялась садиться на стул. На что-то отвлекшись она сильно заскрежетав им по полу отодвинулась назад, но тут же спохватилась.

– Ох, простите!.. Что-то я... Совсем иногда веду себя как свинья... Бескультурная.

– Да ничего, что Вы... Вы ведь у себя дома, в конце концов!

– Ну... Это-то меня и пугает... Понимаете – обычно я дома веду себя совсем хорошо. Ведь здесь нет других людей. А за порогом я почему-то иногда начинаю вести себя по свински... Не культурно в некоторых отношениях. Не знаю почему. Видимо это как-то связано с моим отношением к другим, а моё отношение к другим как-то связано с их отношением ко мне... Но вот дома это обычно прекращается. Обычно... Ведь это то место, где живу именно я – я, а не мои взаимоотношения и вызванные ими погрешности... Уж здесь-то всё точно должно быть идеально. Ведь, знаете – каждый в своём доме имеет шанс жить так идеально, как только возможно... Когда ты один и ничто не тревожит порядка... Хотя некоторые и используют свои дома для того чтобы жить прямо противоположным образом жизни – грязным, мерзким. Ведь там – им так кажется – их никто не видит...

– Так значит Вы любите одиночество и... От того, наверное, и забрались в такую глушь?... Иной приичины я пока что придумать не могу.

– Ну... Я бы не сказала что одиночество. Во первых я здесь не одна и мне совершенно не скучно... А это значит что я здесь уже никак не в одиночества. А во вторых – я бы скорее назвала это уединением. Чуть-чуть иначе то есть. Уединение и одиночество – это разное. Это, как, знаете ли – когда ты ешь с аппетитом и с удовольствием, какое-нибудь блюдо, или когда тебя кормят насильно – когда заталкивают тебе в рот хоть то же самое блюдо, и вкусное может быть, но ты изо всех сил вырываешься. Или когда ты сам включаешь душ аккуратной струйкой и стоишь под ним, моешься и становишься с каждой секундой все чище... Или когда вдруг попадаешь под ливень на улице, и дождь бьет тебе по ногам и по рукам, и капли рекошетом бьют тебе по туфлям и одежде, отлетая от грязных луж и земли и пач-кают тебя, пач-кают... А ведь – и то вода, и то вода. И там она льется, и тут. И там ты под ней и здесь. Все зависит от окружения и обстоятельств. И иногда ты лучше, ведь я же и говорю, гораздо лучше становишься сам когда не испытываешь на себе влияние мира людей. Это так... Да – это и не великое достижение конечно, я знаю, уметь быть собой наедине. Ведь гораздо сложнее быть тем, чем ты правда являешься, тогда когда

тебе в этом хоть что-нибудь, да и мешает. И в жизни всегда так – всегда ведь что-нибудь будет мешать и пытаться сбить тебя с пути. А иначе нельзя – это соблазны земного мира. Но... Мне кажется, что в том есть некоторая целесообразность, чтобы на время отойти ото всех этих соблазнов и так хорошо обустроить свой дом, чтобы он мог бы спокойно, в любой день, противостоять всем ветрам. И поэтому нужно время – побыть немного в лучшем мире, покрепче полюбить его, чтобы потом уж точно тебе знать – за что ты держишься, что для тебя лучше, ради чего не стоит его покидать, этот мир, хотя бы в мыслях, в душе... и тогда, когда ты уже будешь в нашем – неидеальном мире... Получше выучиться той жизни, которая принимается тут, чтобы она уж настолько хорошо вошла у тебя в привычку, что в мире людей ты будешь сразу же жить ею, даже не задумываясь. Ведь тот самый момент, когда ты начнёшь задумываться – очень часто так случается, что именно он сбивает тебя с толку. Ведь к мозгу, которым ты начинаешь размышлять, гораздо проще получают доступ страхи, соблазны, обман. Твой мозг уязвим. Ведь в нём только ты. А вот в душе – уже и ты и твой Отец. Если конечно ты живешь с ним. Ну, это сложно всё объяснить так просто...

– Да, понимаю... – я понимал что понимал не всё и что всё что она хотела бы объяснить – не то что бы объяснить, но и понять мне самому было бы сложно. Я раньше с таким не

встречался. Какие-то странные вещи... Какие-то неизвестные для меня. Их вряд ли запишешь для статьи, и вряд ли их примут.

– Ну, как Вам чай?.. Вы если что – так берите себе ещё сахару. У меня его просто сколько угодно! И его почти что никто не ест!.. Правда белки, конечно, очень любят, но они скромные и сколько им не предлагаешь, всё не берут. Только в редких случаях, когда они уж что-нибудь такое полезное сделают, что и сами уж себя оценят – что, мол, теперь-то достойны!..

– Спасибо... А Вы вот... Ну, так это рассказываете всё... про белок и... Вы не подскажите, а как это всё можно понимать – белки, голуби... Кроты... Вы что, как-то по своему с ними... общаетесь?.. Если это конечно не Ваш секрет.

– Ну, да... Ведь это же очень просто. Это очень просто общаться с каким бы то ни было явлением или существом в этом мире. Особенно – если слушать. Ведь каждый в этом мире всегда всегда хочет что-нибудь рассказать. Своё. А в своём, какое бы оно Вам даже не казалось бесполезным, есть хоть что-нибудь и от общего, от всего что у нас в мире – ведь не может сформироваться хоть у кого-то что-то своё из ничего. Из того чего не было нигде. И значит – в любом чужом "своём" можно найти что-нибудь полезное. И рассказы-

вать хочет любое, что есть в мире – даже и облака и трава, и растения... Нужно только слушать. Вот тебе и получается общение. Но только в том вопрос, что все хотят говорить и мало кто хочет послушать... А если так понять, что Отец всегда тебя слышит и даже Сам знает всё то, что ты хочешь сказать – так это, понимаете... Даёт тебе полное насыщение тем что тебя услышали. И ты уже больше не ждёшь ото всех подряд того, что они услышат тебя. Ведь ты и знаешь, кстати ещё, что кроме как Он, никто не станет слушать так хорошо и так любят как Он. Так и зачем же это нужно?.. Это освобождает тебя от голода и позволяет расслабиться и кормить других. Всё в мире хочет, чтобы его слушали. Так слушайте! Пусть и они, те кто ещё не выслушан, или, точнее – ведь им кажется, что они не выслушаны... они просто ещё не нашли того, лучшего Собеседника... так пусть и они, хотя бы чуть-чуть насытятся и с твоей бедной на пищу, но всё-таки, хоть какой-то... руки. Ведь это так просто – взять и послушать. Тем более что это насыщает и тебя. Ведь это – как и когда даришь подарки. Ты даришь и готовишь их все для кого-то другого. А радость... даже чуть ли не большую, чем тот, кому предназначен подарок, получаешь и сам. Вам подлить ещё?..

– Не откажусь, спасибо. У Вас очень красивые приборы.

– Да, да!.. Я люблю, когда можно находить радость в каждой мелочи! И поэтому красивая посуда – это для меня ещё

одна дополнительная улыбка в грустный день – в каждой изящной чашечка... И лучик тепла, который в нужный момент найдешь в симпатичном чайнике!..

– И чай вкусный. Это...

– Это разнотравье. Немного меда, сушеные ягоды и цветы. Есть ещё и кора и корешки, ну и... всё тому подобное. Я бы дала Вам рецепт с радостью, но... думаю, что не стоит это всё Вам сейчас запоминать, ведь в Вашем мире этого не растят... Хотя, знаете... что я говорю!.. Это в корне неправильные вещи!.. Лучше Вам записать это после на бумажечке и взять с собой тогда, когда соберетесь уходить. Ведь это полезные травы, лечебные травы!.. Как и всё, что наш Отец дал нам в этом мире, они способны в нужный момент облегчить боль или улучшить Вашу жизнь!.. Так что лучше обязательно запишите к себе потом, когда будете уходить. Ведь знать – это всегда полезно!.. Даже если и кажется, что в Вашем мире это не растят... Так может быть – Вы сами и начнёте!

– Вполне. – усмехнулся я, – Врюполне может быть!.. Ведь мне на моей старой работе, похоже пребывать осталось не долго... Придется подыскивать новое занятие. Вот тогда, возможно и начну растить цветы!..

– А что же у Вас такое случилось с работой?

– Да так... Закон новый вышел. И по нему больше нельзя заниматься мне прошлой моею деятельностью... Вот так вот.

– А что же это за деятельность?..

– Я... Ну... я, как бы... пишу...

– Так Вы, значит, писатель!.. – воскликнула Аля не дослушав. И вся даже выпрямилась на стуле. – Это замечательно!.. Я тоже... немножко. Ну, не то что бы, уж прямо хороший писатель, но я стараюсь. Ведь это так прекрасно писать!..

– Ну, нет, я... Не то что бы я уж совсем, прям, писатель... ну. Ну, вроде того.

Я не знал – стоит ли мне говорить, кто я такой на самом деле. Ведь возможно газетчика и погонят в шею под снег, а не чаем тут будут поить. Всё ведь может случиться...

– Так и... что же они Вам запрещают?.. – с большими круглыми глазами, уже наполнившимися справедливым возмущением немного, спросила Аля.

– Ну... Художественную часть. Скажем так.

– А что же это?.. Из-за чего это они?..

– Ну, это теперь не нужно. Так говорит правящая партия. Теперь нужно только то что по существу... И ничего больше. Вот так.

– Как так – по существу?.. А разве художественная часть – это как раз не по существу? Ведь это самое, что ни на есть нужное!..

– Сейчас, говорят, что нужное – это всё только для страны, тела и желудка... Возможно что и ещё для чего-то... Уж это я не знаю – я так и не посмотрел повтор в вечернем выпуске.

– Как так – для тела?.. А для души? А для души разве, они считают, ничего и не нужно?..

– Нет. Получается.

– Но ведь всё художественное... Это самое что ни на есть жизненно необходимое для чувств!..

– Да, знаете... Они и сами теперь, наверное, не считаются нужными, если честно. Как мне кажется...

– И, что же – теперь Вы лишитесь из-за этого работы?..

– Возможно. Но может быть что и нет – ещё возможно удастся подстроиться под нынешний режим и тогда...

– А Вам есть, хотя бы... где жить?..

– Ну, я снимаю квартиру. Пока что...

– Так если же вдруг что-то будет надо – Вы знайте, что всегда сможете найти себе место в моём доме!.. Пожалуйста приходите, если вдруг будете нуждаться... У меня здесь всем хватит места – и Вам, и животным, и лесу и... Хоть всем, всем людям на планете!.. Так что приходите!

– Да... я пока надеюсь, всё-таки, постараться сохранить свою работу...

– Тем более что здесь у меня никак не запрещено ни что художественное!.. Я, напротив, очень даже и поощряю!.. Это же ужас! Ну как так можно?.. Что же они там у вас берут на себя? Ведь это же совершенно не в их власти – такие вещи! Чувства в людях создали не они. Да и художественное восприятие. Однажды они захотят запретить грому греметь. Но гром был, есть и будет во все дни, пока земля носит нас, и пока Бог сам, создавший его, не отменит этих раскатов. Ведь так же и с чувствами... Как страшно всё там в Вашем мире!..

– Простите, а... я, конечно, согласен... наверное... но я вот что... Вы так всегда говорите о "нашем мире", как будто бы Вы... ну, не из него?..

– Ну, почти именно так. Я не хочу иметь ничего общего с тем миром, где запрещают душу! Разве что только если помочь остальным так же ничего общего с ним не иметь. Если в мире станут запрещать людей, так и как же они тогда захотят жить там, где их запрещают?.. А души – это и есть люди. Ведь если душа без твоего нынешнего тела однажды всё же продолжит существовать, то вот тело без души – уж никак! Вот так и получается – что люди это души!

– Но всё-таки... Вы просто так говорите о нём, об этом мире... "нашем" – так, как будто бы он от Вас очень уж далеко.

– Ну да. В каком-то смысле это так.

– Но Вы ведь живёте совсем недалеко от города? Я, лично, добрался до Вас всего где-то за пол часа.

– Ну да. Для Вас, значит, я оказалась немного ближе, чем для других. Так бывает. Есть те, кто и вообще не подозревают о существовании моего жилища, хотя находятся и очень рядом. А вот Вы, хотя и из далека всё-таки, но умудрились дойти. Вопрос только в том, чтобы начать идти. И если нач-

нешь идти куда-то, как, вот Вы к моему домику – так обязательно однажды и дойдешь. Проблема в том, что в путь в гости не многие обычно собираются. Да это и понятно – ведь в мире столько домов, что все и за целую жизнь не обойдешь!.. И все считают нужным знакомиться только с соседями. И как бы они, часто, друг к другу, даже очень плохо и не относились бы, так вот соседи всё продолжают и продолжают ходить друг к другу в гости. Как будто бы не знают, что за границей их маленького двора или района есть ещё какие-то дома. Ну, это в чём-то т правильно. Зачем знакомиться с кем-то ещё, и начинать новые отношения между человеком и человеком, когда старые ещё нужно бы наладить?.. Но только, вот что я Вам скажу – если уж кто-то хочет, один, в одиночку, наладить всё в таких отношениях, а другой – ну ни в какую, то... То часто уж бывает так, что тот, кто хотел бы, теряет и совсем веру в то, что нормальные отношения и вообще могут быть. И это... Возможно что и мне стоило бы отправиться куда-то ещё, куда-то подальше и поискать побольше... Но, нет. Я уж и так очень много искала. Да и искать – это нужно ещё только тому, кто не нашёл главного дома – своего. Ведь мы ходим по гостям и желаем до смерти хоть какого-то светского общества только до тех пор, пока не найдём, наконец, семью, и не устроим тот дом, что и покидать-то не захочется!.. А я вот, например, нашла... И у меня есть прекрасная семья – это я и мой Отец. И поэтому мне хорошо... Мне не за чем больше искать и хотеть попасть к кому-нибудь в гости. Пусть

лучше теперь в мой дом приходят на время погостить те, кто ещё ищет свой. Вот Вы ищите?..

– Я... Я не знаю. Наверное... Может быть. Хотя я и никогда об этом не думал, знаете... Ведь у меня есть, пока что, квартира... И ничего-так... Удобная, с санузлом. Как говорится – грех жаловаться!..

– Конечно, конечно – это правильно. Всегда нужно ценить то, что имеешь. Ведь иначе ты всё то, что тебе дано теряешь, если не ценишь. Сама твоя оценка, благодарность, она, как бы, материализует для тебя все те дары, что даны тебе... Ведь если ты не чувствуешь радости и благодарности от чего-то, что есть у тебя – так это равно тому, что у тебя бы этого и не было. Тогда ты так же ведь не чувствовал бы ни радости, ни благодарности. А благодарность – она самая мощная сила, которая может моментально обогатить человека. Люди всё ищут богатства повсюду вокруг. А оно у нас находится внутри. Все инструменты для поиска настоящих богатств находятся у нас внутри, и именно их стоит нам развивать и усовершенствовать, а не столько даже те машины, что используют для добычи металлов из карьеров или нефти из глубин земли. А быть неблагодарным – это и вообще очень распространенная привычка большинства людей, и привычка та, которая делает их, по сути, несчастными. Ты не любишь того, что с тобой происходит. И от этого ты не можешь

почувствовать себя счастливым. Ты всегда хочешь чего-нибудь другого. Ты загорел?.. И ты хочешь себе кожу фарфоровую... белую, белую!.. Ты совсем бел и аж светишься прозрачностью, как рисовая клецка, так ты хочешь быть загорелым как карамельный кофе. Люди – это сплошной, постоянный каприз и очень редко – благодарность. Нам нужно менять структуру себя. Самих себя, чтобы быть хоть немножечко счастливыми. Ведь нам и так дано уже необыкновенно много! Мы только, сами, мешаем себе это видеть... Мы всё убеждаем себя в том, что нам не хватает чего-то. И от этого страдаем. Тогда как для того чтобы быть счастливым достаточно всего-то ничего... Одна пылинка... какая-нибудь. Для меня например – всё, чего в жизни было бы достаточно, так это общения с Отцом. Ведь если бы даже кроме Него вокруг меня ничего не было и совсем – ведь в Нём самом есть всё!.. Всё, всё, что только и существует... Что существовало когда-то раньше и что ещё однажды начнёт своё существование в будущем. Всё есть в Нём... Так чего же мне большего надо?..

И на секундочку так получилось что никто из нас не стал говорить. Она, наверное, стала про что-то своё думать, а я почему-то задумался – чего же мне дальше, действительно, делать?.. Если мне придётся съезжать из своей квартирки и искать другую работу?.. Я вспомнил о бедном сером районе состоящем из зданий бывшего завода... Пустом и мрачном.

Возможно что мне скоро придётся жить в таком же. Или даже ещё в худших условиях. Так... Завод. Завод?.. Я вдруг вспомнил.

– А, вот что ещё, – спросил я у Али, – вот что ещё я забыл спросить у Вас. Вначале я шёл именно к тому месту, что точно соответствовало ориентирам, котрые Вы указали... ну или не Вы, как Вы говорите, на компасе... И там, куда я пришёл – было только и всего что заброшенный старый завод, на котором сейчас поселили людей как в квартирах. И там... Там, вобщем, уже так-то стрелка и развернулась в другую сторону, прямо противоположную, и надпись тоже. И я пошёл туда, и вот, нашёл Вас... Вы... А кстати, как Вы так вделали магнит в картонку?..

– Я?.. Я не вделывала. Я даже вообще не понимаю – как так у Вас поворачивалась эта стрелка, если я её просто клеила клеем обычным к основной форме... ну, к самому компасу, то есть... Ну-ка, дайте-ка взгляну... – и Аля, взяв мой компас со стола, повертела в руках и отдала мне, – Всё правильно... Вот, посмотрите сами – она приклеена намертво. И точно указывает на надпись...

И правда – что стрелка была приклеена было очевидно с первого взгляда.

– Ну, да. А что Вы можете сказать про эту всю историю с

заброшенным заводом?.. Вам что-нибудь это говорит?..

– Старый завод... А... А Вы не видели там случайно на крыше одного из зданий такое тоненькое дерево... проросшее?.. По моему что-то знакомое.

– Да. Видел.

Я замер.

– Да, да... Знаю. Я знаю это место. Я просто знаю его, если честно, по этому дереву больше... А не по самому старому заводу. Поэтому когда Вы сказали так, как Вы сказали, о нём, так я конечно сразу и не поняла. А так – да. Я там живу иногда, когда мне, бывает приходится пожить в мире. Немного. Но... Это долгая история... А так – так бывает часто, что ты знаешь жизнь в основном по прекрасным моментам в ней, а не по серым... И не по плохим. Наша память хранит на самых легкодоступных сознанию местах только самые лучшие минуты. А восприятие, в основном, выбирает себе за основную реальность только самое прекрасное из тех черт, что имеет мир... И это к лучшему. Возможно что у тех людей, у которых восприятие грязное – как раз наоборот, запоминается и на виду оказывается всё самое плохое... Вот этого я не знаю. Не могу сейчас судить. Не хочется представлять себя на их месте и смотреть на мир их глазами в такой уютный

зимний вечер! Такая грязь, которой полнятся плохие сердца, очень крепко прилепает, лишь только ты шагнешь к ним в дом. И потом бывает трудно очиститься. Уж лучше, конечно, смотреть со стороны и не входить во внутрь, чтобы не попасть в эту грязь самому. А вот восприятие – это такой интересный вопрос... Очень, я Вам скажу!.. Я знаете когда об этом задумалась очень сильно?.. Так это когда мне случилось переезжать из одного места в другое... А мне множество раз приходилось переезжать в Вашем мире... Так вот, почти каждый раз, когда я жила где-то, то я во сне тоже видела тот же район – то же место, где я жила. Но только вот выглядело оно во сне совсем не так, как я видела его в жизни. Я видела его одним, а вот во сне – я чётко, например, понимала, что вижу тот же магазин, иду по той же улице, подхожу к тому же учреждению, но вот только выглядели они все совершенно иначе. Других размеров, формы... Совсем, то есть, не тех, какими я и воспринимала реальные. И всё выглядело, в основном, во сне так тускло, мрачно и даже пугающе чуть. И мне думалось каждый раз в реальности потом, когда проснусь – как же это так – мой мозг превращает всё то, что я знаю, в какое-то совсем другое и таким уж показывает мне? Ну, мозг, не мозг? Не знаю. Но самое что удивительное, так это то, что изо дня в день – ну, то есть из ночи в ночь, мне снилось всё моё место, ну абсолютно одинаково. Неизменно. Так, словно бы у меня во сне был такой район, который, вроде бы и мой, и он не меняется, но он совершен-

но другой. Такая, своя география. Но что же я обнаружила, когда вдруг мне приходилось взглянуть на своё место уже как на немного не мое – тогда, когда мне нужно было скоро его покинуть?.. Ведь это такие моменты, когда ты воспринимаешь реальное положение вещей максимально объективно, от того что отстраненно – как будто посторонний. Когда приезжаешь туда в первый раз и оно только должно ещё стать твоим, и когда покидаешь его и оно потихоньку должно становиться уже не твоим... Так вот, что же я заметила? Так это то, что если я взгляну на мир совсем отстраненно – не только как не на свой, привычный и обжитый, но ещё и как на совсем посторонний всему, всему – такой, отрезанный от чувств, эмоций и впечатлений, голый совсем от одежд, которые накидывает на него хоть какое-то отношение, восприятие... Так я, и правда, узнаю в этих же улочках, и зданиях, и площадях, те самые места из моего сна... Да, чувства и восприятие – они, понимаете... Само отношение, в этом смысле, выходит что как бы окрашивает мир. Придаёт ему новые краски... Формирует реальность. Мы, да, очень, очень даже способны изменять реальность к лучшему – хотя бы и только в своих собственных глазах. Хотя кто знает – может быть и не только... И за всё это ответственны чувства... А после этого они ещё смеют заявлять, что чувства – они нам не нужны!.. Придумали же такое бессмысленное дело!..

Мы опять помолчали.

– Так, всё-таки... Вы простите меня, но мне очень интересно, просто... Так, как же Вы, сами, попали сюда, в это место?.. И... Неужели Вы здесь живёте сама?.. Вы говорите, что бывали и в разных местах и...

– И бывала, почему же?.. И родилась я не здесь. Но, то есть – здесь и не здесь. Здесь меня ждали с рождения. Но живу я здесь сравнительно недавно. Хотя, знаете, здесь протекает каждая моя минута так насыщенно и хорошо, что она кажется мне почти что и бесконечным множеством минут! Но я, все же, если так смотреть – то большую часть жизни провожу там же, где и Вы... если по простым меркам судить.

– Вы тоже из Саратова?

– Из чего?.. – не поняла хозяйка дома.

– Это город... Значит – не из него?..

– Нет, нет... Но я сейчас вспомнила, да... Я знаю этот город. Я ведь много где была... Почти везде. Но когда ты живёшь в каком-либо месте, то ты редко уже называешь его по имени – так, лично для себя. Это как и с хорошо знакомым тебе человеком – ты уже не используешь при общении полное имя. А только сокращенное. И ещё чаще – местоимения.

– Вы говорите, что были почти везде. То есть Вы путешественница? Ну, то есть, бывшая?

– Ну... как ска-зать... Не бывшая. Я и сейчас люблю по-сещать дальние края на досуге.

– Теперь я, кажется, понимаю... Вы любите, наверное, всякие необычные уголки и... Хотели, наверное, увидеть весь мир... Искали что-то... странное... Ну, в хорошем смысле. Необычное? Вот, потому Вы и здесь очутились... Как бы – такой... домик путешественника?.. Необыч-ный, не такой, как все?..

– Ну, не скажу. Я не хотела увидеть весь мир и... Не иска-ла ничего необычного. Напротив – я-то хотела увидеть все-го немного и... сов-сем, совсем обычные вещи. Ведь, самые простые вещи – вот то, чего я искала, когда объездила весь свет. Но... Вы знаете, совсем обычные... простые и понят-ные вещи, порой так сложно, оказывается, найти!.. Как ино-гда, когда приходишь в магазин перед праздником, так са-мого простейшего батона хлеба, как раз, совсем нигде и не можешь найти...

"Ну, уж, да – она точно из нашего мира!.. Не врет, что однажды там была." – подумал Женя, вспомяя свой самый

последний Новый год, когда его Таня забыла купить хлеба, и он в последней половине одиннадцатого оббежал добрый десяток соседних магазинчиков в поисках хотя бы уж единого батона.

Таня?.. Какая же Таня? Эта Таня появилась в голове так же неожиданно, как и тот шарф у него на шее. Она показала чем-то чисто моим, чем-то само собой разумеющимся... Но кроме этого дня перед Новым, и этого не купленного батона хлеба, и ещё какой-то детской радости... Да – это была моя радость, тоже – как и шарф, как и Таня – моя... С ней я выбежал в тот день из двери. Дверь тоже помню. Она тоже моя... Радость... Ведь Новый год... Кроме этого я ничего больше о той Тани не помню... А между тем девушка продолжала:

– А вот, эти обычные вещи, такие как хлеб, простой хлеб – не заменит, ведь, иногда ничто из предлагаемых аналогов. Вот... как на праздник – знаете, хоть сто сотен салатов и замечательных блюд стоит у вас на столе, а вам, все равно, нужен хлеб – простой обычный хлеб. К этим всем салатам и... И так же – знаете, что бы вам не предлагали люди – уважение, почтение, страх... просто терпение... к вам... жалость... временную... Ну, и так далее – да, может быть и... хорошие, ценные вещи, но... Но, вот, все эти яства, хорошие, вкусные... Они, если нет хлеба – простого, почти что нейтрального, как кажется, когда к нему привыкаешь,

тако-го... как – просто, из ничего и из-за ничего, хорошего отношения – так все они становятся оч-чень скоро, та-кими приторными и... или соле-ными, настоль, что аж в горле все пересохнет, или... жирными, горькими, ну и... и так далее – это... э-то так быстро не объяснить. Одним словом – я видела много яств... И видела, иногда, ничего. Ничего – совсем. Ноль на тарелочке, и ни крошки. Смотря, где, что давали. Я ходила по разным домам. Я искала чего-то и испытывала людей... То есть – не я... но, благодаря той ситуации, в которой я очутилась – так получилось. Мне приходилось ходить. Я ведь осталась, однажды, совсем одна. Совсем. Без крова и пищи... Но, это долгая история. Так бывает – одним словом, так бывает на свете. И я не могла бы найти ничего, что бы мне дало шанс, хотя бы только лишь маленький шанс выжить... прожить ещё хоть немного, если бы я не обратилась за помощью... Нет, не так. Не за помощью, но... Если б я никак не пересекалась с людьми. В Вашем мире ведь, ты не заработаешь ни копейки, не добудешь ни крошки, не найдешь и маленького уголка для себя, если ты не пересечешься с людьми. В мире, из которого убрали почти все, что только и было в нем до прихода людей, и оставили все, что было выдуманно ими – на самых, что ни на есть, определяющих... все... позициях... там это почти не возможно. Если ещё в глухом селе рядом с лесом ты мог бы найти сам себе пропитание – пойти в лес, найти грибы и ягоды... То уж в большом мегаполисе – все не так. Там все, что бы ты не нашел, должно

будет ещё оплатиться деньгами... Вы знаете – Бог... Вот, в этом, как раз, таки и видна эта вещь очень отчетливо... Он ведь гораздо более щедр, чем люди. Он дал нам все это – все, что только и есть на свете... съестного... растущего полезного... дичи, фруктов, ягод... трав – столько всего!.. И все это бесплатно. Ведь Он ничего не требует в ответ от нас за это. А он создал все – все с нуля... Ведь, сколько Он вложил сил и умения и искусства в каждый, каждый, даже и самый маленький лепесток!.. Ведь, вы попробуйте создать его с нуля! А вот... А вот люди, даже если и создают хоть что-то... Даже если растяг и выращивают... Даже если и трудятся над чем-нибудь, но... они ведь делают это уже не с нуля?.. Не с изначального... У них уже есть семечко, земля, свет, вода... Но – хоть что бы они готовы были бы отдать, хоть... даже и не за бесплатно, но за только чуть меньшее?.. нет. Но, да я все объясняю – почему же мне приходилось встречаться с людьми... общаться с ними и контактировать...

– Да это и... понятно. – немножко удивленно заметил я. Попытался успокоить, что, мол, все нормально. – Как с ними не встречаться-то?.. Мы все с ними встречаемся...

– Да нет... Я...я, просто, чувствую, что моя нужда в людях была не обычной, а... поэтому и оправдываюсь. Болезненной, что ли?.. Я уж и не знаю – болезнь это или нет... Ведь когда оголодавший почти до смерти человек бросается

на пищу безо всяких церемоний и забыв про все манеры – это же объяснимо?.. Ну, вроде да... Так, вот, и у меня. Я тоже была как голодная – но только я очень уж изголодалась по отношению. Просто-то-му... понимаете?.. Такому, как хлеб и... Вода. И воздух. Как... как было у меня давно, в детстве, когда у меня была мама. Она любила меня и... и относилась ко мне так – просто и бесхитростно, так... по просто-то-му, но та-аак хорошо!.. Это... Это чувствуется – такое отношение... Как напиться родниковой воды – чистой родниковой воды из ручья в лесу в жаркий день... Или как съесть краюшку свежего горячего хлеба – с хрустящей и трескающейся так необычно, во все стороны, корочкой... Ну, вообще – это просто. Как воздух, вода, хлеб. Но чем больше ты становишься, тем сложнее тебе найти такие вещи. Сложно... О-чень сложно. В ваших больших городах это теперь очень сложно найти – всё так же, как чистый воздух... ведь его почти нет! Как воду – чистую, без примесей... Ведь её у вас теперь очищают... о-чи-щают... как только не очищают!.. И тем, и другим обрабатывают – а в итоге не чистая вода получается, а полная всего разного... химии. А хлеб?.. Разве найти теперь в вашем городе простой хлеб?.. Ведь он полон добавок – чтобы храниться, чтобы отлично ломаться и резаться и не сминаться и... ещё много чего! Но э-то – уже не хлеб. Вот и поймите меня теперь, что... что, хотя эти вещи, возможно и пытались улучшить, но... но они, от этого, становятся только несколько хуже. А я искала... Искала, ис-

кала чего-то чистого. Естественного... И простого. Ну, это сложно объяснить. Я только пытаюсь... Ведь, знаете – словами можно, по сути, задеть лишь краешек истинного смысла, истинного содержания... тогда как чувствами – можно нырнуть в него с головой...

– Да, да... – поддакнул я – Женя, инстинктивно, и сам себя поймал на мысли, что совсем даже и не понял, что сказал. Сказал, а для него-то, для меня, оказывается, это "да, да" – ничего-то, совсем и не значит...

– Так вот... Я долго могу рассказывать – чего я искала и... чего я хотела. Но суть в том, что я не нашла. Мне каждый раз казалось – что вот, вот!.. Ещё чуть-чуть и уже я найду, наконец... Но, мне кажется, что то, что я искала – я же сама и умудрялась спугнуть. Чем ближе я к этому подходила, тем быстрее оно удалялось от меня. Хотя на расстоянии от себя... мне так казалось... я, вроде бы и могла это видеть. Но это ладно... Возможно – это было и к лучшему. Возможно – так и надо было. Ведь я была слепа, пока искала их любовь. Я была слепа и похожа на маленького незрячего котенка, который никогда не пробовав молока жадно желает попить сыворотки и всё набрасывается на миску с нею. Тогда как миска с молоком стоит тут же, рядом. Порою нужно чтобы котёнок лишился своей драгоценной и обожаемой сыворотки, для того чтобы в порыве жажды он попробовал наконец то

самое молоко, что есть у него прямо под носиком, и что гораздо вкуснее и питательнее. Будь я наблюдателем – сторонним наблюдателем, я бы сказала большое спасибо тому, кто забрал бы у глупенького малыша его желанную миску... По этому я тоже благодарна тем людям, что не давали мне любви. Что не давали мне отношения... Я благодарна им, ведь не найдя их маленькой человеческой любви, я стала искать и нашла бесконечно огромную – Божью.

И теперь, например, я понимаю – зачем ждать жалости от тех, кто не умеет жалеть? Любви от тех, кто не понимает как это – любить?.. Понимания от тех, кто не может понимать? Это всё равно что мечтать о куске хлеба от тех, кто совсем не умеет печь хлеб. От тех, у кого даже ингредиентов для него нужных нет. Ну может быть ты однажды что-нибудь у них и получишь... И то – только после долгих лет упрашиваний и постоянно лелеемых тобою надежд. Но что же ты получишь?.. Разве же это будет хороший и вкусный хлеб?.. Это будет в лучшем случае несъедобная сторевшая до угольков подошва... Если она вообще будет. И они почти не виноваты в том, что именно Вам они не дали любви. Они виноваты и гораздо больше виноваты в том, что совсем не старались, ни для кого совсем, выучиться печь... Ни для кого не старались собрать нужные ингредиенты в своей душе – те качества собрать и то наполнение, из которых в какой-то момент может родиться прекрасное чувство к кому-нибудь другому. Находящемуся за её пределами. И их можно за это

ещё и пожалеть, ведь они в таком случае не могут и для себя испечь хоть и маленькой самой краюшки. Они не могут. Вы же, что ждёте от них любви или жалости – вы счастливее, хотя и кажется, что именно Вы страдаете. Но Вы-то знаете, чего Вы хотите. Вы знаете и понимаете, какой нужен Вам истинный хлеб. И Вы сможете его испечь сами для себя, если захотите и перестанете наконец ждать его от других. У Вас есть рецепт, а у них – нет...

– Но есть ведь, должно быть, очень много тех, кто всё... собственно... умеет?.. В мире. Нашем.

– Возможно. Должно быть. Мне очень бы даже хотелось думать что это именно так. Ведь тогда – это было бы просто прекрасно!.. Но мне теперь нет смысла искать таких людей для собственного блага. Прекрасно было бы познакомиться с ними и знать, что такие люди в мире есть. Но что я уж точно должна бы теперь делать – так это учиться как можно лучше у моего Отца тому, как мне и самой любить и понимать и... Ну, Вы понимаете. Он – самый лучший учитель, ведь именно Он и создал все эти умения... Он владеет этими умениями в совершенстве – лучше всех!.. И именно у Него мне стоит перенимать это прекрасное искусство, и суметь, по возможности, когда у меня попросят хлеба, его испечь. Вы понимаете?.. Гораздо лучше уметь самому родить внутри себя любовь и прекрасное, нужное отношение, чем ждать его

от остальных людей. И даже если это твоё отношение, твою любовь не примут... не захотят её принять... Так ты и сам уже получил многое от того, что пытался её создать. Это как с подарком – готовишь ты его другому, а радость чувствуешь и сам. Ведь так получается, что... Мы, все и каждый – как будто бы ходим с полными канистрами воды в руках, а между тем – мы все жаждем... Мы остаемся не напившимися, как будто бы вокруг нас нет ни капли воды. А всё дело в том, что наша вода – наш внутренний мир – она, понимаете, она... Нами предназначается лишь для кого-то другого. Мы сами её предназначили только лишь для других... И она так и остаётся чьей-то, но не нашей собственной... По крайней мере, пока мы наконец не задумаемся, что это так. Мы всё стараемся объяснить его хоть кому-то, кому-то передать... Кого-то в него пригласить, и позвать. Как будто бы без него у нас нет своего мира.

Это – как в дом: ты делаешь его, вроде бы, для себя – и чтобы самому в нём жить, но настоящая-то жизнь в нём начинается тогда, когда ты пригласишь кого-нибудь в гости... Так ты тогда и начнёшь сразу прибирать, и украшать, и готовить... И вот тогда-то у тебя и появляется такое дикое желание создавать в твоём уют – намного большее, чем для себя самого. Сам ты живёшь в этом доме, и вроде бы, никаких приготовлений и не делаешь... Мы очень ценим гостей. И если они вдруг уходят, то кажется – что и весь дом пошатнулся и пополам треснул. На время. Потом берешься вновь

восстанавливать... И особенно рьяно – если ты вдруг поймёшь, что вот – кто-то ещё может зайти в гости. А так – нет...

Мы еще помолчали. Что это мы часто так стали вдруг молчать?

– А Вы... Скажите, Вы знаете свои координаты?.. Ну, то есть – этого дома?

– Я его всегда могу найти. Везде. Даже и без карты.

– Но, Вы можете по карте посмотреть или... Или подождите. Приборы определения геолокации ведь есть!.. Что же я!.. И зачем я ходил вообще в отделение картографии, когда у меня есть свой... Мог и тогда посмотреть... Но... Но я и не помнил что он есть у меня... Ну, да ладно.

Я достал из внутреннего кармана свой приборчик для определения геолокации и сам себе не верил, что он у меня есть. Я теперь ясно понимал, что он у меня есть... Но я не знал этого до того. Мне казалось... Это как с шарфом и тем хлебом и Таней... А кто она?.. Я так и не вспомнил. Я только помню, что она моя.

– Вот, вот... – сказал я уже ей. Але. – Вот... Координаты... Подайте мне компас. Да – это всё те же, что и были на нём

до того... И прибор... Да, он показывает их же. Мы с Вами, как будто бы по тому же адресу, что и...

– И заброшенный завод?..

– Да...

– Это следовало предвидеть. Ведь приборы – они определяют расположение относительно земли, а не неба. По признаку – вправо или влево, вперёд или назад. Но не в вверх или вниз.

Сложно сказать, какие круглые у меня стали глаза. Я не знал, что сказать.

– Сегодня страшная метель! – сказал я наконец, не зная, о чём бы завести разговор.

– Да, да... И не говорите!..

– Просто как стена в воздухе. Белая. Да и мороз!.. – вздохнул Женя ещё подумав.

– Да, да... Сказочное время! – довольно улыбнулась девушка, снова разливая чай по чашкам.

– Да уж!.. В такую сказку и попадать страшно!.. Брр-рр!..

Девушка улыбаясь пожала плечами.

– А мне даже нравится. Я люблю, когда на улице так... Когда холодно, когда снег. Ну или дождь. Тогда дома себя чувствуешь всегда гораздо теплее. Это куда лучше, чем жара. Тогда так жарко, что и не знаешь – куда деться. А так... Ты больше ценишь всё то тепло, что у тебя есть. И даже из маленького количества тепла – ты можешь извлечь как можно больше пользы. Оно становится для тебя гораздо более ценным.

И мы опять помолчали.

– Я Вас сегодня точно никуда не отпущу! – радостно начала Аля, – Нет, нет!.. В такую метель Вы просто не можете идти по морозу, да и ещё через лес! Положение сильно уж страшное вокруг. Теперь нужно переждать это время в тепле. Вы ляжете спать в одной из гостевых комнат – у меня их много, уж Вы не беспокойтесь, а завтра... А завтра уж мы посмотрим – что будет с погодой.

– Хорошо.

Я почему-то не захотел сопротивляться. Наверное от того,

что, и вправду, метель.

Посмотрим, что завтра будет с погодой.

– А сейчас, я лично предлагаю Вам, за чашечкой чая пройтись по дому и осмотреть моё скромное жилище! Пойдёмте!.. – и Аля встала со стула с такой энергией, словно это была не девушка, а лесная белка, – Я столько здесь всего обустроивала, что мне будет очень приятно, если хоть кто-нибудь из людей это увидит!.. Возможно и Вы для себя найдёте какие-то идеи по декору и... обустройству интерьера. Ведь и Вы наверняка однажды решите обустроить свой дом!

Мы с Алей шли по коридорчику, который вёл из кухни в боковое помещение.

– Сначала я покажу Вам мой первый этаж. Тут все комнаты попроще. Ну, кухню Вы уже видели – там я занимаюсь обычной пищей. А ещё у меня здесь... – и Аля прервалась чтобы открыть дверь, которая была, видимо, очень тяжёлой и сразу не поддалась. – ...Здесь у меня комната, где я всё никак не могу толком прибраться. Ну... Прибираюсь конечно. Но всё равно – здесь много всего валяется повсюду. Я, видите ли, здесь делаю много черновой работы, так скажем. Я здесь разбираю всё то, что приношу из леса. Я очень люб-

лю, знаете, гулять на природе и мне... мне бы так хотелось всё то, что я вижу с собой унести! Ведь всё так прекрасно!.. И я... Я забираю с собой некоторые веточки, шишки, кору, стебельки... Ну и так далее. Всё что мне покажется пригодным для того чтобы мне из этого извлечь некоторую пользу. А это – по сути всё. Я только советуюсь каждый раз с Отцом – что же мне лучше взять первое?.. С чего будет лучше начать сейчас? И вот, я приношу сюда с собой все эти материалы и разбираю, разделяваю, так скажем. Беру некоторые части и уношу наверх. И там уже с ними работаю. Но мне всё никак не даёт покоя то, что я никак не соберусь с силами чтобы многое из этого разобрать. И оно лежит, и я боюсь иногда, что что-то, какой-то цветок или листок... Ну, понимаете – пройдёт его время. Лист – станет жёлтым из зелёного, или желтый высохнет и станет коричневым. А может быть – цветок завянет и осыпется... Ведь всякое бывает. И поэтому я стараюсь работать побольше. Ещё одна проблема в том, что у меня часто не хватает терпения – особенно для каких-нибудь крупных вещей. Я только начну что-нибудь, какую-нибудь вещь, как сразу уже хочется начать и новую. Это хорошо конечно, что я хочу сделать и что-то ещё, но... Так можно долго перескакивать и никогда не довести ничего до конца.

Ну, в общем – Вы увидели. Хватит уж нам смотреть на мой хаос. Пойдёмте наверх!..

Пока мы поднимались по лестнице Аля пару раз резко

останавливалась и прищурившись глядела куда-нибудь между перил или вниз на ступеньки. Уже где-то на третий раз она наконец объяснила. Вернее что сначала пробурчала себе под нос:

– И тут паутина... Да что же это?..

А потом пояснила:

– Нужно будет снять. Я потом приду с совком и веником... Вы не судите строго... Ведь у меня ещё не идеальный дом. А у кого же идеальный?.. Мне много ещё здесь надо менять и доделывать, но... Потихоньку, надеюсь, буду. А больше всего раздражают все эти вещи, которые ты убираешь, убираешь, вычищаешь, вычищаешь, а они через время появляются снова. Вот эти паутины, пыль. В одно время, когда я ещё совсем мало понятия имела о домоводстве меня эти вещи и совсем угнетали. Хотя я ещё и толком не знала, как мне их решать – мне очень хотелось. Мне очень не нравилась грязь... И я от неё себя чувствовала дурно. Но даже, знаете, немножко боялась её убирать окончательно, уж наверное... Как-то так. Мне так казалось немножечко, что если уж всё вычистить и совсем уж прибрать хорошенько – так что же потом в чистом жилище делать дальше станешь?.. Я ведь не понимала ещё – как много можно делать!.. Как много можно создавать здесь! Строить, ремонтировать, обновлять... А

потом ещё декор! А декор – так и вообще менять можно по сто раз!.. То в дождливых тонах, то в солнечный, то в снежных... Ну и так далее. Вот это мы сейчас идём... – она остановилась посреди зала, в котором мы были и обернулась ко мне, – Мы идём по залу, где я... Ну, видите всё это?.. На стенах, на столиках? – она дождалась, пока я кивну. – Вот... Это всё я делаю иногда. Мои некоторые рисунки и поделки. Мне просто нужно было организовать себе такую комнату, где я буду иногда созерцать свои, уже готовые, труды. Ведь иначе мне очень часто приходится терять силу и совсем не верить в себя. Точнее в то, что я что-то могу. А когда понимаешь что ты ничего не можешь, так руки опускаются. Мне стоит только доделать какую-нибудь поделку, только-только ещё её выпустить из рук, как мне уже кажется, что больше я так не смогу. А если проходит ещё немного времени и я забываю чуть-чуть как она выглядела, так мне уже помнится так, что и она была какой-то корявой. Поэтому нужно место, где мне их все можно видеть и вспоминать. И я его сделала у себя возле лестницы. Так удобно. Только начал спускаться с верхнего уровня за чем-то – так сразу пройдёшь через этот зал и немножечко вспомнишь. Решил подняться с нижнего уровня на верхний, так сразу же через него и пройдёшь. Ведь я на верхнем этаже, в основном, занимаюсь работой. И мне очень нужно, когда я иду туда, подбодрить себя, чтобы не сидеть уныло, в страхе что-нибудь начать, а наоборот, с радостью взяться за дело... А когда оттуда... ведь нужно мне,

к сожалению, иногда уходить отсюда, из-за каких-нибудь мелочей, как то – приготовить поесть, ну и так далее... Житейские мелочи! Так вот, уж если иду я зачем-то вниз – так чтобы мне снова увидеть хоть что-то из результатов, да и загореться немножечко тем, чтобы поскорее чего-нибудь новое начать, и, соответственно, побыстрее вернуться. Да и нужно это для того чтобы в комнате с исходными материалами не киснуть, тоже. Чтобы настрой был и стремление. Вот... Ну пойдёмте дальше. Всё равно зал длинный – нам ещё много идти.

...Так, вот о чём я?.. О паутине. Вот, и... Главное висит эта вещь где-нибудь у тебя в доме так, существует... И как бы тебе и ничего. "Пусть висит!" – иногда думаешь. А как дойдёт дело взяться за неё, руками взяться – так и противно тебе!.. Противно до ужаса, пока выкидываешь. И хочется побыстрее её с рук у себя смыть. А то что висела у тебя в доме – так разве это не противно?.. Вот что странно... Хотите ещё посмотреть или пройдем дальше?

Аля остановилась у самой двери, взявшись за ручку и обернулась ко мне, который остался рассматривать её произведения на середине комнаты.

– Да, я пожалуй ещё минутку посмотрю. Вы чудесный мастер!..

– Спасибо!.. – Аля улыбнулась и кажется не знала ка-

кое-то время что сказать. – ...Мне... Постоянно не верится, если честно, что это всё сделано, хоть частично, мной. И я поэтому даже не знаю, как толком относиться к похвалам. Вы уж простите... Возможно что я даже покажусь невежливой. Это от моего неверия просто...

Так вот, с беспорядком мои большиие проблемы!..

– Да что Вы! У вас вполне даже чистенько. И аккуратно... Это всё Ваша самооценка хромает. В таком домике мне бы, и правда, хотелось остаться жить. И уж подумываю – не потерять ли мне как-то нарочно работу, чтобы к Вам прийти как совсем бездомному!.. Тогда мне можно будет, как Вы и сказали, здесь обитать!.. – попытался шутить Женя.

– Да Вы... Конечно, приходите всегда, когда только захочется!.. Для этого можно и не терять ничего – ни работу, там... Ничего! Тем более что Вы всё равно никак не станете бездомным уж совсем. Ведь у Вас точно есть тоже свой дом. Он у всех есть с рождения. И у меня тоже был. Только вот, нужно его, для начала, найти... А потом отмыть и обустроить. А люди так часто ведь даже не ищут!.. Мы все скитаемся очень долго по морозу... где-нибудь совсем близко с домом, и часто об этом даже не подозреваем!.. Потому что мы забыли. Мы ведь многое забываем, люди... Мы все знаем, вообще-то, но не помним. Я тоже ходила... И тоже думала, что я несчастна и мне некуда прибиться. А так оказалось,

что я просто на время забыла про свой дом и так запустила его, что жить казалось в нём невозможно. Ведь в детстве – ты живёшь в своём доме и ещё просто живешь. И только учишься за него отвечать. А позже...

Потом я нашла, наконец, в себе силы зайти в заброшенные мной помещения, порыться в бардаке, который я оставила, сама того не замечая, постирать пыль, поснимать паутину. Вымыть стёкла.

Благо что Отец тогда помог мне разобраться и теперь, в основном, я уже справляюсь как с той грязью, которой давно уже нет, так и с той, что всё время, время от времени появляется в любом доме. Всё это, конечно же заняло время. И много. Но зато теперь, благодаря тому у меня есть бесконечное множество минут!.. И это прекрасно... Так вот, когда я отчистила дом – хотя бы как-то, хоть как на первое время... Ну, это ещё тогда, давно... Тогда я решилась попросить Отца жить со мной и Он пришёл. И мы теперь живём вместе, дружно. Мы с Ним и дальше теперь убираем дом, обустроиваем. Ведь то что я смогла убрать тогда – вначале, так это крупная грязь, которую было видно и в неосвещенном помещении – при том только свете, что падал из окон. Хотя ещё и не вымытых. Даже его было достаточно, чтобы разглядеть основной беспорядок. А уж теперь, когда мы уже живём вместе, так в ясном свете видны и самые маленькие остатки пыли и паутины. Их видно все и нужно мне только постараться их убрать.

Но, так что, Вы понимаете – дом у каждого есть, с детства. Вопрос только когда и в каком возрасте Вы за него, наконец-то, возьметесь. Так что и у Вас есть дом. Вы ведь наверняка ещё чувствовали, как будто у Вас есть дом – хотя бы в раннем детстве?..

Я подумал про детство и не знал, что сказать. Мне кажется, что там не было ничего. Вернее – видимо я не помнил...

– Я не... Не помню. – сказал я, немного сам удивившись себе. И даже испуганно. – Я, в том смысле, что... Вообще не помню. Ничего, если честно... что было...

– Не пом-ни-те!.. – с жалостью в голосе протянула девушка, – Ох, как же мне Вас жаль! Вы бы знали!.. Ведь если Вы... С какого момента, скажите, Вы не помните?..

– Я?.. Не помню, с какого.

– Ах, да – лучше тогда постарайтесь вспомнить – до какого момента Вы помните?..

– До... До... Где-то год. Наверное.

Меня накрыл ужас. Я, и правда, помнил всего только год из своей жизни. Год, доверху наполненный словечками

и фразочками, зеленым коридором, жестяным крыльцом и буквами на нём... моей маленькой серой квартиркой. Это то, наверное, чем можно объяснить и тот хлеб. И ту Таню. И... А вот шарф?.. Шарф – не знаю, как объяснить.

– Го-оод!.. Год... – тихо добавила Аля, припустив голову. – Вы не хотите ещё чаю?.. Нет? А может скушать ещё чего-нибудь... Нет... Ну... Мне Вас очень жаль. Вы, видимо, что-то прошли такое, что... Ведь просто так не забывают. Да, сейчас всех стремятся заставить забыть – всё, всё. Да и всегда так старались, пока жива земля. Есть те силы, что делают это. Чем меньше помнит человек – тем больше он потерян ведь?.. Тем легче его взять и привести неизвестно куда... Ведь он пойдёт, забыв про дом. Но, что же... Мы пойдём дальше?.. Пойдемте... Нет, не сюда, куда шли. Мне хочется на воздух... Пойдёмте сюда.

И Аля открыла боковую дверь. Через неё мы попали на открытую террасу. Но что-то тут было уж слишком неуютно. По полу террасы и по стене хлестал дождь. Даже немножечко с градом.

Аля уверенно вошла и крикнула (видимо из-за сильного ветра) мне назад:

– Вы можете не заходить!.. Постойте там, оттуда и так видно мою террасу. А я чуть-чуть вдохну дождя. Если Вы, ко-

нечно, не против подождать.

– Да... Конечно. Как резко погода изменилась!.. – едва сказал я и тут же вздрогнул от блеснувшей прямо рядом с нами молнии.

– Она часто здесь разная. – пояснила Аля, слегка повернув ко мне голову, но всё-таки, глядя перед собой, прямо в глубину густого тумана из ливня. – Здесь чуть ни каждый день бывает и снег, и град... И дождь, и молнии. Всё. Всё, что есть и будет хоть где-нибудь в мире. Один раз даже цунами было. Про торнадо и землетрясения я уже даже и не говорю. Это терраса специальная. Именно для того. Я иногда выхожу сюда и дышу дождём. Ведь мне тоже не нужно забывать. Пока живёшь в уюте и тепле можно совершенно позабыть о том, что есть где-то дождь. И град... И снег... Терраса именно для этого. Чтобы вспоминать. И думать о мире... Здесь делать самой почти что ничего не выйдет – все мои карточки и клей просто размокнут от ливня. Поэтому здесь я стою, а уж потом возвращаюсь и делаю. Так иногда нужно...

– Вы... Вы там не замерзнете?.. – крикнул я с порога, уже и тут съезжившись от холода.

– Нет. Вы не беспокойтесь. Это я раньше могла. И иногда замерзала при такой погоде. Но это тогда, когда я оказыва-

лась неизвестно где, под дождём, и не знала, где дом и как искать к нему путь. Вот тогда – да. А теперь ведь я на собственной террасе и в любой момент могу вернуться в дом погреться...

Она замолчала и ещё минуты две молча стояла под ливнем. Я отошёл в зал поглубже, чтобы не так уж сильно мёрзнуть.

– А Вы... Как Вы решаете – кому это всё высылать? Ну, то есть – кому именно? Ведь, я так понял – что у Вас есть своя картотека... – спросил я, глядя на её поделки, когда Аля вернулась.

– Я... Я не совсем всё... – Аля на секундочку замолчала. Я оглянулся к ней и почти не узнал. Она стояла у двери террасы и была вся облита водой, конечно же, но что удивительно, так это то что казалась она теперь несколько выше и старше. А взгляд, опущенный вниз, стал тяжёлый, тяжёлый. – Простите, задумалась... – и она решительно сошла с места и прошагала до самой стены с некоторой частью её фото и картин и стала, глядя на стену, говорить дальше, – Я не совсем всё высылаю по адресу. Есть вещи, что просто делаются для всех. Для всех подряд. Я часто высылаю своих голубей просто полетать над городом. Особенно если это очень далёкий от меня город и в него мне никак не передать

мои вещественные подарки. Тогда голуби просто парят над миром и под их крыльями становится хоть чуточку лучше. Хоть на капельку. Ведь голубь, хотя и маленький, но на его крыльях возможно остановятся хоть пара дождевых капель и мир окажется хоть чуточку прикрыт. А там, где я могу, я конечно дарю подарки. Как могу. Мне это очень нравится. За этим я и стараюсь ещё укрыться здесь. Ведь, знаете, люди иногда очень даже мешают тебе делать что-то. И чем больше ты это что-то делаешь именно для них, а не для кого-нибудь ещё – тем всё больше они, почему-то берутся сразу же мешать... и со всех сил, что только есть мочи, тебя останавливают. Так вот, мне кажется, что лучше всё-таки если я что-нибудь для них сделаю, а не просто так остановлюсь и никому уже не будет хорошо. Ни мне ни им. А мне ведь тоже хорошо, когда я для них что-нибудь делаю. Когда стараешься для другого – вот этого-то приятнее, наверное мало что в мире найдёшь. Вот это – красота. Для меня настоящий подарок – возможность сделать подарок кому-нибудь. Ведь если ты сам получаешь что-нибудь – это ещё не верх радости... Ты получил уже хороший подготовленный подарок и рад, конечно же... Но... знаете... А вот когда... Когда... Ты хочешь ещё только для кого-нибудь что-нибудь придумать – и всё! Только ещё в мыслях у тебя какой-нибудь такой подарок, а уже тебе так хорошо, будто тебе самому надарили уже целую сотню... И самых прекрасных даров!..

Я, просто, ещё знаете... Стараюсь дарить что-нибудь от

себя. Что-нибудь... Частичку того, что у меня есть. Ведь я так счастлива, что это имею и так хочу, чтобы люди тоже захотели это иметь и приняли это!.. И тогда это будет и их тоже. Обязательно. Я отсылаю иногда ветки еловые, или шишки... Чтобы люди, другие, тоже захотели иметь лес. Иногда – цветы, чтобы люди захотели иметь у себя поля. Иногда осенние листья, чтобы и осень стала немножечко тоже их. Но не просто ветки и шишки, да цветы а делаю из них что-нибудь, что я в них вижу... Что они для меня значат. Как видите – тут и домики, и свечки, и голуби и... чего только нет! Ведь во всём можно увидеть всё... И это даёт пространство для бесконечного творчества!.. Ты можешь смотреть на рыжий лист и видеть в нём зажженное окно... Можешь смотреть на зажженное окно и видеть в нём рыжий лист. Можешь смотреть на каплю краски и видеть в ней и одно и другое. И вот... В основном это всё то, что не объяснено словами. Хотя вообще-то я и пишу... Но, знаете, из слов – те люди не получают от меня, уж давно, ничего – практически... можно сказать, ни весточки. Ведь я ни-че-го, ничего им совсем не пишу в словах. Так вот, как-то... Слова люди, всё-равно не слушают. Они их так часто не понимают!.. А я только зря истрачу чернила. Ведь ими же – можно было бы, например, вместо этого, нарисовать хорошенькую картинку... Теп-лую... прият-ную... Я лишь иногда посылаю свои фото вместе с почтовыми голубями в те далёкие края. Они кидают их где-нибудь... Где им покажется нужным. Они видят сверху кры-

ши... Знаете – по крыше, может быть и мало что поймёшь, а особенно – в большом городе. Мы раньше пытались определить, хоть, как-то по крышам – где же живут нужные люди: те и именно те, кому это действительно нужно, и кто хоть как-то, может быть, поймёт... Или, хотя бы, возможно, призадумается. Или же – кого это хоть как-нибудь согреет. Ведь, знаете – картинки с зимними пейзажами или фото сучьев, дров, покрытых мхом инеем и ледышками – они порою способны согревать. Как – не знаю... Но со мной, например, оно иногда работает. Как когда вдруг за окном начинает идти дождь или валить снег – ты даже и находясь всё ещё, вот в том же самом доме, начинаешь вдруг чувствовать себя немножечко теплее. Не знаю почему. Или вот ещё: если идёшь по парку, или лесу, например... теперь уже... И вокруг – лёд, снег, и только что слабый свет от окон где-то... Ну да ладно. Я о чём?.. Ах, да... По крышам многое не определишь. Хотя мы старались – мы даже пытались продумать схему... Вернее – понять аналогию: под какими же такими крышами живут те самые люди? Но по крышам мало что поймёшь – разве что только то – насколько хозяин дома тщательный и аккуратный – и как часто он смолит свою крышу. Но тут, опять же, легко ошибиться – ведь в том доме вполне могут жить, к примеру, маленькая сирота и пожилая бабушка... И смолить крышу они просто физически не могут. А денег на то чтобы нанять мастера у них, может быть, совсем нет. Ведь я сама – хотя я, конечно же и с удовольствием смолю иногда на досуге кры-

шу – но всё же прекрасно понимаю, что увидь меня хоть кто-нибудь из нормальных людей за этим занятием, они бы сразу очень и очень даже удивились. Ведь это занятие совершенно непривычное для молодой девушки. Хотя я уж и не знаю – достаточно ли я молода или...покажусь ли я ещё хоть кому-то из того мира достаточно молодой... – и Аля смущенно приопустила голову.

– Покажетесь!.. Конечно же. – поспешил успокоить я, – Я, лично, как Вы понимаете... Ну... Только что из "того мира", как Вы говорите. И, да – Вы очень даже юно смотрите для нашего мира.

– Спасибо!.. – слабо улыбнулась Аля, с таким взглядом, будто смотрела внутрь себя. – Да это здесь... Вообще, если по правде, так я и не смогла бы назвать Вам мой собственный возраст. Ведь иногда я совсем ребёнок, и даже стараюсь им быть... А иногда и... Наоборот. Кажется я старше себя намного. Намного... Да и, знаете – как тут определить, сколько я прожила?.. Когда я часть жизни пробежала так, что прошли годы, а за них, будто бы ничего и не произошло – так, как будто бы это не годы были совсем, а только считанные секунды... А были, и вот теперь есть, те минуты... Всего лишь минуты, за которые, кажется, несколько лет проходило. А то и вечность... Как тут определишь?.. Пойдёмте дальше?

– Конечно. Мне в Вашем доме становится всё более интересно с каждой минутой! Уже не терпится посмотреть, что же ещё такое необычное у Вас есть?..

– Ну, почему же, необычное?.. – пожала плечами девушка, открывая мне следующую дверь, – Вполне обычное... Здесь у нас осенняя комната. – эта комната была украшена так, будто весь интерьер оформляли немного похожим на норку какого-то ёжика в преддверии зимы. Очень даже уютно и интересно. Гирлянды из грибочков и ярких листьев на стенах мне особо запомнились. – Хотя, да, соглашусь – многие вещи тут покажутся необычными, потому что такие у себя редко делают. Но ведь они все сделаны ровно из тех же материалов, что есть и у всех! Ровно!.. Точно, то есть...

– А это, простите... Грибочки – из бумаги наверное?..

– Да нет... Это свежие.

– Да?. Надо же!

– От них лучше аромат. Сразу пахнет лесом. Я их при случае собрала и взяла к себе.

– А выглядят так, будто их только что срезали. Вы их как-то особенно консервируете?

– Да нет. Здесь просто почти ничего не стареет. И не меняет формы. Разве что на нижнем этаже – в подсобке... Как я и говорила – боюсь иногда что там что-нибудь завянет. А здесь – уже нет.

"Странно..." – подумал я.

– А, я совсем и забыла уточнить. Это, конкретно, лесная осенняя комната. Ещё есть городская. Пойдёмте.

– А как Вы так лужи в полу... Нарисовали реалистично?..

– Я?.. Так это не я. Здесь иногда дождь идёт, вот и...

– А в них, по неосторожности, можно и ноги промочить, то есть?..

– Ну, нет... Но если захотите, то сможете почувствовать себя так, словно бы и промочили. Кстати – про почувствовать. Здесь чуть меняется освещение... Ну, то есть – это во всех комнатах. Если хотите – можно сделать чуть более солнечно, а можно – чуть более пасмурно. Можно включить дождь или наоборот жару сильную. Ведь у любого состояния может быть несколько форм...

– Кстати, про освещение. А где у Вас лампы? Я только сейчас, если честно, задумался. Откуда у Вас светит свет?.. Я вроде не вижу...

– Здесь свет везде. Здесь не нужно ламп. Пойдёмте?..

– Давайте. Что у Вас там дальше? Какая-нибудь... луговая осень, должно быть?

– Не только. Есть и прибрежная и горная... И много ещё каких. Вы, если не будете против, я бы Вам показала пока зимнюю... Хоть одну из комнат. Чтобы мы хоть что-то успели с Вами посмотреть. Ведь у меня их много. Очень много. Почти что бесчисленное количество. И весенних, и осенних, и летних. Всё за один вечер явно не обойти.

– А... А как же это так у Вас получается, что верхний этаж, тогда... Просто огромный!.. А нижний...

– Да, мне гораздо больше нужно всех этих комнат наверху. В них мне нужно жить и работать – в разных. Чтобы они были очень разными. Так надо. Ну, вот мы и в зимней комнате! Это, конкретно – предновогодняя. Одна из моих любимых. Я, наверное, бываю в ней чаще всего. Во все времена года. Здесь есть столько красочного и главное... Я очень люблю огоньки на елке. Это сразу так много разных красок

света!.. Да я и вообще так люблю Рождество и всё, что с ним связано, что у меня и сам дом круглый год украшен как настоящий дом Санта Клауса. Вы заметили?.. Ну, я имею виду – снаружи.

– Вы знаете, нет. Не заметил.

– Как? Вы разве не увидели ни моих светящихся гирлянд на стенах, ни палуба над дверью?

– Да... Я даже, если честно, подумал ещё, подходя, что Ваш дом, он... чем-то похож очень на домик с Рождественской картинке, но только, думаю, вот украшений на нём никаких нет!. Ха-хах...

– Странно. А я так старательно их там повсюду вывешивала... хотя снег там идёт, конечно, очень сильный и руки слишком деревенеют от мороза... и надеялась что теперь всем будет видно... Странно. Наверное это метель. Это метель помешала Вам видеть... Ну, да ладно. Все комнаты я Вам показывать не буду – наверное Вы и так уже очень устали. Если что, приходите лучше в другой раз и мы с Вами тогда погуляем по моим временам года!.. Вот, что я ещё Вам хочу показать – так это мой чердак. Пойдёмте. На чердаке у меня много... как и у всех – всякого, всякого, что осталось из прошлого. Очень много коробок... Вон там, видите?.. Там

много вещей из моего детства. Они самые интересные, давайте мы их и посмотрим... Сейчас, вот эту вот, снизу достану... Ух ты, и надо же было мне её так глубоко заложить!.. Очень давно уже не доставала.. Вот... Смотрите – тут тоже гирлянды. Мои первые... Видите, как приятно светится жёлтым?.. Ну как такие не полюбить!..

– Они на батарейках?..

– Нет, почему же?..

– Ну, как же – почему? Ведь она у Вас горит... значит...

– Так здесь не нужно электричества!.. Я же уже Вам сказала! Смотрите, вот здесь – можно увидеть в лампочке... есть маленькая дверь. А вот здесь – другая. И почти во всех по одной. И если вынести её туда, где я живу и работаю, то при определенных условиях, в каждую из этих дверок тоже можно пройти. И там будут чудесные места!.. Ещё много комнат. Комнаты, которые были под Рождество украшены в мои три, а здесь – комнаты, которые я помню в мои семь... Ну и так далее. Ну это мы с Вами, если захотите, после ещё попутешествуем.

– А... Там что у Вас?.. Вон, лестница ведёт ещё к подвалу.. что-ли?.. Хотя что я? Какой подвал на втором этаже?

– Ну, это – вроде того. Там то, что имеет дверки в не очень приятные места. Но это тоже нужно. Иногда я добавляю в поделки и капельку из тех мест. В основном, когда поделки посвящены пути или дороге. Ведь если дорога у меня приходит к чему-то хорошему... а у меня, вообще-то, всегда так... то нужно иногда добавить и то место, откуда она идёт – из ге такого приятного. И тогда, в сравнении, можно оценить то, как же хорошо то, куда ты придёшь!.. Ну, вот... Я думаю Вы поняли суть этой комнаты... Вернее чердака. Здесь хранится то, чего я давно не доставала. Ведь не могу же я каждый день доставать всё, всё, что только у меня есть?.. А вот эту гирлянду я, как раз, заберу теперь с собой. Мне, думаю, после Вашего ухода стоит развлечь себя и прогуляться по какой-нибудь из старых комнаток. И взять там что-нибудь для поделок. Я вообще часто сюда бегаю и беру что-нибудь... Ведь иногда делаешь поделку, делаешь, и вдруг понимаешь, что здесь нужно как раз что-нибудь с чердака! И идёшь сюда, рыться...

– Да уж...

– Я думаю – Вам уже наверное страшно хочется спать!.. Пойдёмте Вы выберете себе комнату... Вы какую бы себе хотели?.. Может Вам лучше отдохнуть в летних полях или в весенней роще?.. Ну или...

– Я... честно говоря, не знаю. Давайте на Ваш выбор?..

– Ну... Хорошо. Мне надо подумать, где Вам лучше будет... Это... Так, что бы Вам пока ещё показать?.. Ох!. Библиотека! Я совсем и забыла про библиотеку! Пойдёмте – это пока на сегодня последнее место и я уже больше не буду Вас так мучить! Вот – это сюда. Вот!.. Нравится?..

– Ну да... Масштабно, надо сказать. Вот тут-то у Вас, кажется, больше всего дверей! Больше, чем я у Вас где-либо видел. Они у вас просто по всем стенам!..

– Да, да. Да ещё в каждой книге. Здесь сотни дверей – они все ведут и в мои комнаты, и в совсем неведомые мне дальние страны... А бывает так, что в дальних и незнакомых мне раньше странах встречаются точно такие комнатки, как мои!. Вы представляете?!.

– Да... Наверное...

– Ну, Вы уже трете глаза. Всё!.. Пора мне Вас отпускать в мир снов. Нельзя так издеваться над человеком! Ведь уже почти ночь... Пойдёмте, я придумала куда мне Вас... Давайте Вы ляжете в детской!.. Нет, нет, Вы не подумайте, что это та комната, которой мне, единственной, для Вас не жалко.

Наоборот – это самая ценная комната!.. Да и здесь недалеко. Она как раз рядом с библиотекой. Я и сама очень люблю иногда здесь отдыхать... Вы ложитесь, а завтра, наверное часам к... Хотя – когда проснетесь, тогда вот, наверное и жду Вас к чаю! Вы можете позвать меня если проснетесь и я Вас доведу до кухни, а то ещё, чего доброго заблудитесь тут без меня!.. Ну, да ладно. Спите!.. Вы зовите, не обязательно сильно громко – я всё равно услышу. До завтра!..

Я спал уже минуты через две. Не больше. Не знаю, от чего мне так хотелось спать? Обычно я такого не испытываю. Обычно у меня бывает непонятная бессонница, с которой ничего нельзя сделать. А вот теперь – наоборот. Непонятная сонливость.

Я спал и очень хорошо помню то, что я видел. Как будто бы наяву. Сначала я снова очутился на старом заброшенном заводе – перед зданием с деревцем на крыше. На крыше, рядом с ним появилась та девушка с книгой, которую я встречал днём. Она позвала меня и я, не думая совершенно, что это хоть сколько-нибудь необычно, взлетел туда – на крышу. И только подумал, что это ведь так так просто, и я прекрасно понимаю, как летать. Так почему же я не делал этого раньше?.. Я оказался рядом с девушкой и ясно понимал, почему-то, что это Аля и ни кто иной. Хотя выглядит она совсем иначе – точно та девушка, что была на заброшен-

ном заводе. У них и рост разный и комплекция – Аля немножко выше и стройней. Да и вообще более привлекательна, если объективно оценивать. Да и волосы у них разного цвета – у Али намного светлей. Кстати про рост... Так не смотря на то что Аля, наверное, и повыше будет, сейчас я понял, во сне, что рядом с девушкой с завода ты чувствуешь себя как рядом с какой-то... Громилой немножко. Она какая-то слишком большая и неуклюжая, кажется. И кажется она во сне меня очень стеснялась. Почти как и при встрече в реальности. А вот Аля – она говорит открыто и радостно в основном – так, словно мы много лет знакомы. И что странно – хотя она и выше, но кажется гораздо более миниатюрной и... грациозной даже что-ли?... чем та незнакомая девушка. Это я уже обдумал после. Просто теперь сразу делюсь своими мыслями. А во сне я был полностью уверен в том, что та девушка на крыше это Аля и никакого диссонанса у меня не возникало. Мы с ней прошлись по крыше и она указала мне на несколько дверей, которые ведут в дом, спрашивая, куда я хочу пойти. Странно, но хотя сам дом и был под нами, здесь было немало дверей, которые вели вбок и даже вверх. Но во сне это мне тоже не показалось странным. И я выбрал зачем-то ту дверь, что вела вниз – в какой-то подвал. Хотя подвалом это не может быть, ведь это была крыша. А с крыши никогда нельзя попасть прямо в подвал. Я зашёл... Вернее спустился. Здесь было темно-синие и очень холодно. Я весь сжался и не решился идти дальше в темноту. Аля-

девушка спустилась за мной с той гирляндой в руках, которую я видел на чердаке. Гирлянда ответила пространством. И вдали, уже у самой стены я увидел коробку, тщательно, тщательно замотанную скотчем и бумагой, коробку которая, вообще-то, лежала за кучей других коробок, но я её почему-то ясно видел. И ясно видел, что у неё внутри. Там была Таня – моя Таня. Она посмотрела на меня и от этого взгляда мне почему-то стало больно... Невыносимо больно. Я чуть не закричал и хотел выбежать обратно, в дверь, но здесь была гирлянда в руках у Али-девушки и мне показалось, что она с чем-то перекикается там, в коробке. Мне почудилось, что будто гирлянда у Али и что-то то, там где Таня, словно играют между собою в мяч – перекидывая свет друг другу. Мне сильно захотелось посмотреть и я не стал выбегать. Моя Таня холодно ухмыльнулась и я увидел у неё в руках дверь – маленькую дверь, которая светилась ярким светом. И я ощутил невероятную радость, глядя на эту дверь. Моя Таня ухмыльнулась ещё чуть сильнее и начала сжимать в руке дверцу, так, как будто бы это была жестяная банка из-под сладкой воды... Мне стало опять очень больно. Дико больно. Как будто внутри меня что-то сжимали точно также. Я бросился к ней, к моей Тане, разбросал все коробки, что были на пути, кричал ей, чтобы она прекратила, но она всё сминала и сминала мою маленькую дверь... Пока наконец я не добежал до неё и не стал втискиваться в эту крошечную дверь, которая была уже меньше ладони, да ещё и с заострёнными

краями-складками, которые залазили в дверной проем от того что Таня его уж почти смяла совсем. И это было ещё в сто раз больнее. Так больно, что мне показалось даже, что я скоро умру. Но я продолжал лезть в дверь и расталкивать складки руками... А они впивались мне в плечи и локти как раскаленное острое железо и... И вдруг всё заполнил свет, который шёл из двери. И я услышал голос:

– Всё хорошо!.. Просыпайтесь!

Тогда я открыл глаза и увидел около дверей "детской" испуганную Алю с большими круглыми глазами в ночном колпачке и пижаме.

– Вы просто так кричали, что я уж решила зайти – вдруг что случилось? У Вас всё хорошо?..

– Да, да. Это просто кошмары навалились... Видимо. Простите что разбудил.

– Да ничего. Я ещё и не спала – у меня так всегда: ляжешь спать и сразу тебе хочется думать обо всём, обо всём!.. Даже и о чём давно не думалось. Ну и помолиться иногда в это время хорошо. В основном об остальных. Не знаю, почему я так часто вспоминаю об этом именно ночью... Но возможно это нужно. Возможно что когда ты в тёмную ночь усиленно

просить свете, так света для людей, и правда, хоть где-то станет больше. Вы как раз вырвали меня из дела, когда я запустила голубей домой. Я их отпускаю полетать иногда по ночному воздуху... Так что ничего, Вы меня не разбудили. Вот, выпейте немножко теплого молока, чтобы спокойнее уснуть. И я Вам оставлю ночник. Хотя тут и без него светло... Но лишний свет никогда не помешает. Возможно будете спать спокойнее.

Тёплое молоко было очень вкусным и от него моментально стали слипаться глаза...

– А что у Вас тут в шкафу микроволновка?.. Вы так сразу тёплое молоко достали из шкафа и... Как это вообще?

– Здесь всегда есть тёплое молоко. Это же детская!..

"Ну конечно – теперь всё понятно. Чего же тут непонятного" – подумал я и улыбка чуть-чуть поползла в бок.

– Спите. Не буду Вам мешать. До завтра!

Сказала Аля и вышла. Я тут же снова рухнул в сон. И дальше тоже помню, что было. Почти... Там была детская. Тоже детская. Почти точно такая, как та, в которой я заснул. И это была... Нет, я точно понимал теперь, что это именно моя. Моя и ни чья иная. И что она всегда была моей я тоже пони-

мал. Это как с шарфом. И там ещё была женщина. Очень мне сильно знакомая. Добрая. Но я почему-то не знал её имени. Я подумал: "как её зовут?". Но точно не знал. Я понял что никогда не назвал её по имени. Я допил молоко из стакана, ещё раз допил молоко и разулыбался во весь рот этой женщине, а она в ответ заулыбалась мне, забирая стакан из моих рук. И после поцеловала меня в лоб. Я от радости, улыбаясь, опустил голову и стал рассматривать картинки космолетов на своей пижаме. И я знал, точно и твёрдо, что это моя пижама, и что маленькие пуговицы на ней мне очень хорошо знакомы. Я видел свою руку на постели – совсем маленькую и одутловатую. И мне показалось совсем очевидным то, что это моя рука. Я всё это уже видел, уже знал... Это всё было моё. И от радости, что всё это у меня есть, я побежал по обширному снежному пространству, всё так же, в пижаме, и совершенно не чувствовал холода, и очень хотел это всё отдать кому-нибудь ещё. Я всё искал глазами среди пустоши и мне так казалось, что нужно этого кого-то поскорее найти и отдать, отдать ему всё это – и молоко и теплую комнату, и даже то тепло, что от выпитого стакана молока было во мне и клубилось и вращалось, и улыбку... Всё, всё. Так, как будто бы без того что я всё это кому-нибудь тоже отдам, оно не сможет быть вовсе моим. Я увидел вдали эту женщину, которая давала мне молоко. И теперь я уже точно знал, что это мама. Я вспомнил как я её звал. И я пошёл к ней и сказал: "Мама! Возьми и ты теперь, выпей молока!.." И протянул ей

стакан и сильно, сильно улыбнулся, чтобы, кажется, передать ей и улыбку. Но мама, сильно, сильно улыбаясь мне в ответ замахала руками, как бы поблагодарив и стала таять в воздухе и растворилась. А в стороне я увидел Таню. Мою. И я стал звать её и махать ей руками, чтобы она встала сюда, на то место, где была мама. И она, немножко странно, как будто бы недоумевала, что происходит, встала и странно смотрела на меня. А я махнул руками и вокруг неё сразу оказалась моя детская и моя кровать, в которой Таня теперь сидела под одеялом со стаканом в руках и смотрела на меня немного как на сумасшедшего. А я носился вокруг и то смахнул пыль с полочки рядом, то нагнулся к ней и поцеловал в лоб, на что она почти не отреагировала, и продолжала сидеть, глядя прямо перед собой... то нагнулся и поправил ей одеяло. Даже немножечко взбил его, чтобы ей было помягче... потом побежал включать лампу, увидел стакан в её руке. Он был почти полный – едва, может быть, только, отпито, но мне показалось что там слишком мало и мне показалось ещё, что из-за этого всё никак не улыбается, и я рванулся в панике куда-то взять ещё молока, но она сказала сзади ледяным тоном: "Не надо. Я и не хочу." И внутри у меня на секунду стало больно, а потом стало очень, очень холодно и как-то пусто, как и в её тоне только что. И я спокойной, как на должное, стал смотреть, как она разорвала одеяло, встала с кровати и движением руки перевернула её вверх дном, а потом ушла куда-то. И мне даже не показалось всего этого жалко. Мне

так казалось теперь, что это и не моё. И молоко, и кровать, и одеяло. Я стал сам себя убеждать, что мне нужно взять и повернуть кровать обратно, и сшить одеяло, и прибрать всё так, чтобы стало всё как прежде. Но руки у меня не двигались, а повисли по бокам, как невесомые полые стебли, к которым были, как мощные гири привешаны кисти. И мне ничего не хотелось здесь сделать. Мне захотелось отвернуться, ведь от одеяла и от кровати шла боль и мне страшно было подходить. Я пошёл побыстрее вперёд, от неё, и захлопнул дверь за собой, и она – вся моя детская осталась в подвале за дверью. Только слегка пробивался свет в щели двери... И я поместил весь подвал в картонную коробку и стал поскорее заматывать её скотчем. Но скотч быстро кончился и мне показалось этого недостаточно. Я стал обкладывать её листами бумаги с кучей, кучей строчек. Этих листов было много, много, очень много... Наконец я остановился на минутку и прочёл строчки на одном из них. Я узнал свою статью, но был полностью уверен, что это – не моя. Это – чья-то чужая. И хотя она была на листе, но лист был какой-то странный – хоть тонкий и плоский, но как будто бы с пустотой внутри. И в него можно было просунуть руку, и там, внутри, я ощутил что рука будто находится... Даже и не сказать, что в невесомости, но как будто бы в таком каком-то пространстве, какого не бывает. Которого нет.

И встал, бросив свой коробок, и зашагал быстро от него,

сам не зная куда. И пока я шёл, я всё время понимал, что куда я не сверну – мой коробок всегда оказывается, пусть в далеке, но опять передо мной... И я на секунду увидел глаза той девушки на заводе – то, как она посмотрела на меня, когда я пытался повеселить её пустою фразочкой про гром. И от меня мой ящик, как бы перелетел и к ней – точнее к её огромным глазам. Они были величиной с большую стену рядом со мной, и стал парить между нами. И показался мне уже не страшным. Мне даже захотелось его открыть, чтобы девушка увидела – что там. И дать ей что-то оттуда, и чтобы мы вместе этому улыбались.

Но тут я стал идти, быстро, быстро по большим светлым комнатам. Наверное это был дом Али. Они всё шли, шли и потом я обернулся назад. А Аля уже открыла мою коробку. И я рассердился на это и что-то в неё швырнул, сам не понял, что... И теперь уже побежал по серому пустому пространству. Ещё раз замахнулся рукой и врезался во что-то стеклянное.

Проснулся я и от этого и от звона-хруста где-то рядом со мной. Я сел на кровати, оглянулся и понял что уже давно утро, ведь солнце светило довольно сильно, а ещё то, что я сбил во сне рукой стакан с соседнего столика. По светлому ковру растеклось коричневое пятно чая. Я стал думать и искать глазами, как бы прибраться, но тут на пороге появилась Аля. Она молча и с круглыми глазами уставилась на стакан

на полу. Я не, зная, что делать, смотрел на неё и даже не знал, как мне оправдываться. Но Аля быстро отмерла, взглянула на меня и сказала:

– Доброе утро. Не стоило мне ставить чай рядом с Вами, пока Вы ещё спите. Я не подумала об этом... Хотя сама же так часто сбивала что-нибудь по неосторожности, когда спала. Особенно часто со мной это происходит тоже в гостях. Я даже уже не знаю, как мне саму себя ругать, и как это так называется, что я почти не могу побыть в чём-то доме и чего-нибудь там не разбить и не испачкать! Я просто очень неуклюжая, если честно... Так что это ничего... Я заварю новый. – продолжала оправдывать меня девушка, пока протирала место крушения стакана.

А я все сидел в кровати и смотрел в стену и мне казалось, что я ужасно виноват – возможно что из-за того, как я кинул что-то в неё во сне. Но она этого, конечно, не знала.

– Ну, вот и ничего. Ничего совсем не видно... – покачала головой Аля выпрямившись, и пошла с черепками к выходу из комнаты. – Вы спускайтесь вниз, когда окончательно проснетесь, я там уже сделала завтрак. А чай Вам просто оставила, потому что на время уходила на чердак. Думала, если Вы проснетесь и захотите попить – то Вам будет просто найти стаканчик с травами. Жду Вас на кухне!

Я взглянул на ковёр. На нём осталось огромное яркое пятно от чая.

Я долго умывался (умывальник здесь был прямо в комнате) и всё никак не решался идти. Мне почему-то казалось что скоро пойдёт что-нибудь не так. Не знаю отчего.

Наконец я сошёл в кухню... И странно – как это я вдруг нашёл дорогу?.. Прошёл уверенно так, словно у себя... Так Али здесь не было. Только на столе стоял прибранный на поднос завтрак. Было как-то непривычно тихо. Я стал и смотрел на дым из чашки. И не начал ничего делать. Пока наконец на лестнице не послышался треск и шаги. Аля спустилась – промокшая, стряхивая с себя ещё не растаявшие снежинки.

– Снег с дождём?.. – спросил я.

– Ага...

Я взглянул за окно. Там ярко светило солнце.

– А Вы уже позавтракали?.. – мне почему-то не хотелось теперь есть в одиночку. Хотя вообще я так делаю обычно каждый день. Но теперь мне показалось что это будет как-то

совсем уж тоскливо.

– Нет... Я просто вышла, пока Вы ещё не спустились, почитать новостей на воздухе.

Аля разложила по своему кухонному столу несколько ветошек и ещё газету. Это была еженедельная сводка с фронтов.

– Ну, Вы садитесь, садитесь! Я сейчас вымою руки и тоже присоединюсь.

Через несколько минут мы уже сидели за кофе и яичницей с беконом. И утро было совсем светлым – ясное белое зимнее утро.

– Какое утро!.. – сказала Аля, оперев локти о стол и дуя на свою чашку кофе, – Совсем ясное!

– Да уж – всё замело наверное вчерашней метелью.

– Наверное. Вы, кстати, попробуйте к кофе – вот здесь, в баночке у меня сухая молочная сыворотка – очень вкусная вещь!.. Я, знаете, раньше её любила, Когда-то давно. Но потом, что-то, забыла как-то, и уж давно не доставала. Её, если развести в воде, чем-то напоминает молоко. Очень славно!.. Попробуйте! – и Аля, открыв баночку, насыпала себе в чаш-

ку четыре ложки с горкой.

– Спасибо... Очень даже интересно. Я кажется тоже когда-то пробовал, но теперь уже не помню, какая она точно на вкус. Пора вспомнить. – и я насыпал себе две ложечки тоже, – Я, кстати, хотел Вас спросить – Вы не помните, когда Вы смотрели вчера в картотеке... к кому должен был точно попасть этот компас? Вы говорили, что кажется – к какому-то мальчику?.. К кому именно?

– Я точно не знаю, к кому. Ведь я же не знаю всех людей в мире. А мне бы хотелось помочь и тем, кого я совсем не знаю...

– Ну, то есть – тот мальчик это абстрактное лицо?.. А то вдруг мне нужно вернуть посылку адресату!..

– Нет, нет... Ничего. Я лучше отправлю его снова... Ну или возьмите себе на память. Я точно не знаю этого мальчика. Я просто думала о таком мальчике... Знаете... Стоя на веранде однажды, который, наверное где-то есть. Такой, знаете... Добрый, заботливый, щедрый... Но при этом от чего-нибудь несчастный. Ведь много таких людей на земле! И этот мальчик, если он есть, конечно врядли услышит меня саму, если я начну объяснять ему что-нибудь о том, как найти ему дом. Ведь я совершенно посторонний человек. Уж

лучше – пускай в его сердце родится, само, нужное ощущение. И возможно, что если он однажды увидит такой простой бумажный компас, с такой надписью... как я сделала... так может быть он начнёт думать и исследовать себя... ведь я так задумала, что если ребёнок начнёт читать надпись – ну, то есть, так повернёт к себе компас, чтобы её было возможно прочитать, то стрелка всегда будет указывать на него... Вот, пусть и поищет внутри и взглянет, заодно, на свой дом... Вот – видите, как стрелка приклеена?..

– Да... Да.

– Вот...

– Единственное, я так и не понимаю – как это так Ваша надпись про добро, тепло и что-то там...

– Любовь, правда...

– Да, да... так как это она превратилась в эти цифры?..

– Ну... Я уж и не знаю сама. Вообще, если так взглянуть на это, как... в общем... Так это вполне и понятно. Ведь всё – что бы это ни было... может разными людьми восприниматься по разному. И иногда даже так странно бывает, что твоё доброе слово в чьей-то чужой душе превратится вдруг

в злое. И он на тебя за это слово обидится. А может быть и наоборот. Кто-то говорит тебе плохие слова, а ты всё принимаешь их за ласковые... – мы немножко помолчали. – И всё-таки, от чего же Вы забыли?..

– Что?..

– Я говорю – интересно, от чего же Вы, всё-таки, забыли?..

Я промолчал. Мне почему-то не захотелось говорить что я не знаю. Ведь это была бы ложь. Теперь я, кажется знал... вернее помнил, уже хоть некоторые черты того, что было. Наверное я бы вспомнил и всё, если бы только захотел. Но мне почему-то было совсем страшно. Я не хотел.

– Ведь... – задумалась Аля, – Ну, да ладно... Я только хочу сказать Вам, что это ничего, что Вы забыли. Так многие делают. Обычно – когда очень больно. Жаль только, что вместе с болезненными воспоминаниями мы часто закладываем в самый дальний ящик нашей памяти и что-нибудь ценное... по настоящему важное, если только этому хорошему случилось оказаться в жизни где-то слишком близко к плохому. Это страшно. Наверное – это главная цель плохих сил, когда они заставляют нас вредить друг другу. Не только им важно внести в мир что-то плохое, но и унести что-то хорошее... Это страшно. Сколько прекрасного в жизни мы про-

сто не замечаем вокруг!.. Человек очень иногда невнимателен жизни... Его и так отвлекают на каждом шагу суетные дела, обманы и заблуждения, соблазны и и минуты отданные людьми в топку греха. Это всё и так отвлекает. А те редкие драгоценные вещи, что человек замечает, и те, что ему удастся запомнить и приютить – у него стремятся забрать... Как единственного ребёнка у родителя. Вы очень любили свою семью?..

– Я... Ведь я же говорил, что не помню... – немного рассерженно, уж неизвестно – то ли на неё, то ли на себя, сказал я. Сам не понял.

– ...Я понимаю. Но вдруг?.. Ведь эти вещи, наверное, каждый помнит. Ведь это не мысли – это, хотя бы как-то, но и ощущения тоже. Вы можете почувствовать, если только постараетесь. Хотя бы почувствовать, если уж не вспомнить. Ведь... смотрите – я тоже иногда забывала, если честно. Мне так казалось, что я почти и забыла свою мать. Мне, вроде, казалось что я и хочу её забыть, раз уж... раз она забыла меня. – Аля задрожала и закрыла глаза. – Бывает так, что и те, кто любят – потом отвернутся. Так бывает... Так случается. Конечно... это самое страшное из всего, что может быть в отношениях – когда не так, что просто не любил, но любил, а потом... Но ни... че...го. Суть в том, что я так поняла позже – не стоит забывать. Тебе не стоит забывать что-то, что

кажется, относится к другому. Ведь если оно в тебе, то оно относится и к тебе. Хоть чем-то. В конце концов, ведь если ты в магазине даёшь продавцу деньги, а он отказывается тебе продавать то, что ты хотел в замен на них, то ты ведь не станешь с досады выбрасывать и деньги в мусорку?.. Они пригодятся ещё где-нибудь. Хотя бы для того, чтобы отдать их кому-нибудь, кто нуждается – просто так взять и отдать. Не в замен ни на что. Раз уж так... Даже если никто и совсем не захочет брать... Так можно просто оставить на улице. На земле. И может быть кто-то хотя бы просто возьмёт их, подберет – не зная, что они от тебя. Но не закладывать в самый тёмный уголок – это уж точно!.. Так и любовь. Вы ведь не можете отбирать ту свою любовь, которая в Вас, должно быть, была, и у себя самого, и у всех других?.. Ведь если Вы даже любили кого-то конкретного – то это... это не так, что любовь только и будет, вот эта мощная сила и свет, всегда указывать только лишь на этого одного человека, как... как стрелка, которую я приклеила намертво к Вашему компасу. Она всегда может вращаться в разные стороны... Вы попробуйте... Вы просто попробуйте. Давайте!.. Попробуйте вспомнить всё то, что с Вами было – хотя бы только в ощущениях. Ну?.. Должно быть Вы тоже любили. Должно быть – Вас тоже бросили?.. Да?

Я почувствовал, как острые загнутые края сминаемой двери, опять впиваются мне в плечи... И мне стало страш-

но. Мне стало вдруг невероятно досадно, что вот, я страдаю здесь в этой сминающейся двери, а она, Аля – стоит и смотрит у двери со своей гирляндой... И смотрит так... Вникая и... Я выскочил из двери и чуть ни замахнулся на неё.

– С че...го Вы взяли, что Вы знаете всё обо всех?.. – сказал я мертвенным тоном. И сам себе почему-то напомнил свою Таню со стаканом в моей детской кроватке... Совсем как в этом сне... – С че...го? С того что Вы так жале...ете саму себя, что Вам так кажется – все должны чувствовать то же самое?.. Что и Вы? Тогда, Вы считаете наверное, все смогут Вас понять, так?.. Это просто удобно так думать! Вы знаете, я хотя бы ради этого, и не буду Вам говорить, что у меня на самом деле внутри – так, чтобы Вам было удобнее. Вы, конечно, простите, но я бы Вам, лично, совсем никогда бы не стал говорить о себе и показывать... Впускать Вас к себе я бы не стал! Уж Вам – ни за что. Вы ненадежный человек. Вы слишком смело говорите обо всём, что стоит скрыть – о том, что слишком личное... Я возможно, слишком вспылчив, Вы простите, но... Да, это слишком... Простите. Но... Ну...

Я замолчал. И ощутил себя в пустоте. Я оглянулся на Алю. Она немного угнувшись смотрела прямо перед собой, на тарелку с яичницей. Такое было странное, спокойное у неё выражение, что... мне так подумалось, что должно быть, её

тоже сжимает дверь. И ещё, что она закидывает что-то новое далеко, далеко в картонном ящике. Мне стало страшно. Немного страшно... даже так, как будто теперь я вместо неё стою на пороге и смотрю. Как она пролазит в дверь. Это показалось мне слишком страшным. Слишком спокойным и страшным.

– Вы... Вы простите ещё раз... Вы не подумайте, что... Вы не обижаетесь?.. – Аля, всё глядя в одну и ту же точку, медленно повертела головой отрицательно. – Я просто... Сегодня была страшная ночь... Мне много чего снилось и... И это наверное от нервов. Да, это нервы. Простите.

– Нет, нет. Вы не думайте, что я обижаюсь... Вы не думайте. Ведь Вы всё правильно сказали. Меня, и правда, не с надо впускать к другим... Мне слишком во многом нужно ещё у себя разобраться. Я так и сама... тоже думаю. Да и... Мне только дай волю, так я по чужим домам только бегать и стану... А про свой позабуду. Хотя... Это я здесь откровенна. А так... Вот когда я бываю в городе, так из меня там и слова не вытащишь. А где-нибудь в гостях у знакомых – да так и вовсе. Это я здесь про себя столько рассказываю... Но... Будь наша с Вами встреча где-то в другом месте, так я бы засмушалась просто, и ничего бы Вам рассказывать не стала. Вы просто сами пришли и я... Мне так подумалось, что значит – Вы хотите знать... Ну, да... Я сама виновата.

Не надо было включать ночник. Зачем он, когда и так очень много света?.. Это до добра не доводит...

– Да я и хочу, правильно... Как раз, вот... Как раз и хотел спросить – что-то там Вы хотели ещё мне показать, кажется?.. Из своих комнат? Да?..

– Да что там показывать?.. Что Вы... Обычные... Ничего особенного. Только ноги сбивать. Я думаю в этом нет смысла.

– Да... – мы помолчали. – А не скажете, сколько времени?.. Я ведь уже совсем потерялся!.. А ведь мне же на работу. Ведь я и забыл.

– Я... А у меня нет времени. Я не знаю...

– Ну... Ну. А как это?

– Я всегда частично и прошлом, и в настоящем, и в будущем одновременно. Здесь нет таких понятий.

– Ясно. Понял... – и мы ещё помолчали. – Так у меня же есть часы!.. Что же я! – я достал часы и взглянул, – Ну вот!.. Три часа... Хотя нет – это ночи. Странно. Наверное сбились от каких-то... Не знаю...

Аля молча кивнула.

– И действительно, очень вкусная сыворотка!.. Вы правы. – заметил я, и снова открыв баночку принялся насыпать себе в чашку, – Вам посыпать ещё?.. – предложил я Але.

– Нет, нет... Спасибо. Я лучше молока. – и Аля потянулась за кувшином. Мы немного посидели молча, оба дую на чашки с кофе.

– Но всё же, вообще-то, за окном всё это выглядит как утро. И мне, наверное, стоит всё-таки попробовать дойти до работы – вдруг там меня ещё не уволят за такой поздний приход?.. Ведь всё может быть? – сказал я весело, пытаясь её приободрить.

– Ага. – улыбнулась она только ртом, – Всё возможно.

Аля весело вскочила, так что её стул аж немного зашатался и после этого она ещё и отодвинула его с диким скрежетом по полу.

– Я сейчас заверну Вам чего-нибудь поесть! На дорогу. – и Аля весело начала заворачивать мне в бумагу краюшку домашнего хлеба. – Ка-ко-е утро!.. Просто замечаю

тельное! – добавила она пританцовывая. При неловком движении с краюшки на пол посыпалась куча крошек, но Аля взглянув на неё сказала беззаботно, – Ни-че-го!.. Пусть лежат. – и весело прохрустела ногами по полу, который был весь в слое крошек. – Я вообще с удовольствием навожу везде беспорядок!.. Это моё частое занятие! – и Аля очень сильно засмеялась.

Она смеялась почти всё то время, что я собирался и когда мы наконец вышли из дому, она всё ещё тоже, почти каждую минуту умудрялась шутить, хотя и не очень смешно, пританцовывать и веселиться.

– Ну, всего доброго!.. – помахала она мне с порога, когда я спустился с лесенки, – Счастливого пути! – она так вытягивалась и вставала на цыпочки, когда махала, как будто бы это было направлено не ко мне, что стоял рядом, а у кому-то, кто стоит здесь же, на моём месте, но на самом деле – очень далеко.

– И вот, что я Вам скажу, Женя! – добавила Аля полушутя и очень весело. Мне кажется – она впервые тогда назвала меня по имени. – Вы ищите свой дом, и стройте. Стройте себе верхние этажи и старайтесь хо-ро-шень-ко-ко!.. А через время Вы, я верю в это, станете очень хорошим домохозяином! Вы научитесь прибираться, вести хозяйство, печь хлеб.

И возможно, что когда-то и кому-нибудь ещё у Вас в доме найдётся место!

– Ну что ж, я постараюсь! – ответил я, – Надеюсь смогу Вас однажды пригласить к себе в гости!

– Нет, нет. – ответила Аля, – Вот этого делать не стоит. Вы всё равно, после, не впустите меня, уже на пороге. Я только зря буду идти. Нет, это не Вы виноваты будете – это чисто моя особенность. Со мной так случается у каждой двери... Как-то так.

– Да нет... Почему же... я... – я замаялся и не знал что сказать. – Ох ты!. Надо же! А у Вас, и правда, по всему домику гирлянды!.. И как это я вчера не заметил?.. Очень красиво!..

Гирлянды светились спокойным жёлтым. Аля выглянула из-под крыльца и взглянула на дом.

– А... Да. Только они у меня... Почему-то не в том... режиме. – и Аля нагнулась, нажала на кнопку и гирлянды тотчас замелькали в безумном темпе разными цветами. И у меня даже стало стробить в глазах. Я немного зажмурился. Аля засмеялась:

– Вот, так-то лучше!..

Я ещё раз оглядел дом.

– Да... И как же это в таком маленьком, с виду, домике, помещается у Вас столько всего!.. Мне просто не верится, когда смотришь со стороны! Это удивительно!

– Да, в мире много всего удивительного. Это Вы правы... Иногда такая масса всего, бесконечная масса, помещается даже и только в малюсеньком человеке. Не то что уж – в доме! Даже в ребёнке... А уж в доме – в целом доме!..

Мы помолчали.

– Ну, что же?.. Возможно ещё свидимся?..

– Возможно! – улыбнулась с порога Аля. – Я Вам пушу голубя. Он Вам покажет дорогу. – и Аля достала из-под полы пальтишка голубя с маленьким фонариком в клюве. И отпустила. Голубь подлетел ко мне и закружился рядом, немножко путаясь в воздушных потоках. – Он немножко с пораненным крылом. Но это ничего. Вам это никак не помешает.

Я кивнул.

– Спасибо!.. Ну! До скорого! – и я нагнулся, слепил сне-

жок из слегка подтаявшего снега, весело замахнулся на неё и крикнул, – Спасайтесь!..

Аля весело засмеялась и поймала мой снежок в руки. А потом ещё помахала мне и я пошёл через лес.

Я шёл и почему-то у меня всё равно была внутри какая-то оскомина. Странно. Мне почему-то стало досадно и я стал, сначала усиленно наматывать шарф себе на шею, чтобы стало теплее... Но всё было холодно. Потом взял фотоаппарат и хотел всё стереть, что снял на пленку... Но фотоаппарат даже не включился. Видимо от холода. В кармане куртки что-то постоянно било об ногу... Да, куртка у меня теперь тоже была. Не знаю, откуда она у меня взялась?.. Я достал "что-то". Это был картонный компас. Странно, но стрелка на нём опять крутилась. Причём крутилась она по кругу и в бешеном темпе... Потом наконец выровнялась и поднялась вверх. Ровно вверх. Я посмотрел туда, наверх. Там, я едва успел заметить, как метнулось что-то в сторону и свет фонаря исчез. А между облаков пробились несколько солнечных лучей. Мне показалось это очень красиво и я почему-то улыбнулся. Стоял, смотрел и думал. Не знаю о чём, но вроде бы думал.

Меня окликнул снизу какой-то голос. Я опустил голову.

– Женя!.. Женечка, сто лет тебя не видели!.. Ты как?.. –

маленькая пожилая женщина радостно мне улыбалась, а неподалёку стоял с сумками из магазина, видимо её муж, и, тоже улыбаясь, мне кивал. – Как живёшь-то теперь? Всё у тебя хорошо?..

Я всё никак не мог вспомнить, кто это. Ведь эти люди явно меня знали. А значит – это только я забыл.

– Ни... ничего... – кивнул я растерянно. – Живём.

– Ну и славно... А то – всякое ведь бывает на свете!.. Ведь... Ох, это когда же я тебя-то последний раз видела? Это... Лёш?.. Мы когда Женю женили-то, а?.. Ты не помнишь?

– Ка...жется... Года три будет. – простым полу деревенским говором заметил этот Лёша.

– А, да!.. Да, да. Это же через полтора года после того как, Жень, твою маму мы похоронили, Царствие ей Небесное... Да, да. Точно тогда, да. Ох, ка-кой ты счастливый тогда был, касатик!.. Ой, прям красота... Прям, так и сиял весь!.. Ну... Ну жалко, конечно, что Вы разошлись. Очень жаль... Я прям, с тех пор, как услышала, что она... Ну и... И думаю – где ты, что ты?.. Так рада увидеть!.. Давно так не виделись... надо же!..

– А... А Вы?..

– Тётя Аня я!.. Что ж, не признал?.. А-ааха-ха!.. А я-то и смотрю – что он стоит как не свой? Ну, что? Не помнишь? Мы же с твоей мамой дружили. А я тебе часто ещё математику объясняла, пока мама на работе была... Ну?.. Вспомнил? Ну, конечно, ведь трудно узнать – время-то течёт... Ох!.. Все мы не молодеем... И я тебя тоже не сразу узнала. Ещё иду, смотрю – думаю кто это?.. Да, Лёша? Вот я Лёше и говорю – что-то... кто-то вроде бы знакомый, а кто – не пойму!.. Вот и свиделись, да... А ты молодец, что пришёл, старый дом навещаешь. Это хорошо... хорошо. Мы тоже весной, вот, с Лёшей ездили ко мне – в Воронеж. Ведь у меня там избушка, в которой родилась... Ох!.. Ну сейчас уже всё там изменилось, конечно... – и бабушка всхлипнула и поднесла к носу узорчатый носовой платок. – Но... Так уж оно – всё меняется!.. И мы всё меняемся. А своё место оно, всё равно, в памяти всё таким же остаётся, да Женя?.. Так ведь?

Мне почему-то стало очень жаль эту женщину и даже себя. И мне захотелось немножко вспомнить. Я ей кивнул. И посмотрел на то здание, что женщина назвала моим старым домом. Я мало ещё, что вспомнил, но у меня по щеке что-то покатилося...

– Да... Жалко конечно, что ты с этой Танькой связался. А я сразу тебе говорила, что кроме квартиры твоей ей больше ничего и не нужно!.. Вот... была бы тогда твоя мама жива – она бы тебе, наверное то же, сказала бы... Но, что же тебе объяснишь, если ты носишься, счастливый такой, без памяти вокруг нее?.. Ох, окрутила она тебя, Женька... А говорила я тебе!.. Ну, да ладно... Всем своё горе в жизни. И всем свои ошибки. Уж всех не убережёшь... Да-аа... – и женщина, тётя Аня, тоже стала смотреть на мой дом и разглядывать его. Мне всё больше хотелось вспомнить хотя бы ради неё. Очень. – А ты, как, себе квартиру хорошую нашёл? – спросила она. Я кивнул неуверенно. После дома Али мне уже не казалась совсем удобной моя квартирка. – Снимаешь?.. – я кивнул, – Ну и хорошо... Хоть крыша над головой есть и уже хорошо... хорошо.

Мы чуть-чуть помолчали. А я заметил, что постоянно смотрю, почему-то, всего на одно окно – этаже на четвертом многоквартирного дома и всё никак не могу оторваться. Наверное от того, что на нем были наклеены Новогодние наклейки – снеговички и снежинки. Поэтому, видимо, оно привлекало внимание.

– А Сашка, малыш, что сейчас в вашей квартире живёт, так он совсем как ты в детстве – круглый год свои наклейки с окна не снимает!.. – засмеялась женщина, кивнув на то

окно со снежинками, – Уж я ему говорю: "Всё-оо, Новый год-то прошёл уже, Сашка! Уже лето ведь!.. Ты снимай!", а он говорит: " Нет, не хочу.", представляешь!.. – и женщина ещё больше по доброму рассмеялась. – Ах, вот, кстати и он! Сашка!.. Саш-ка, иди сюда!..

Мальчуган лет пяти с носом пуговкой и светлыми волосами подбежал к тётё Ане и недоверчиво уставился на меня.

– Вот, Саш, познакомься!.. Это дядя Женя – он раньше, когда был как ты, таким же маленьким, жил здесь, где ты теперь живёшь с мамой!.. Людочка, здравствуй!..

Крикнула тётя Аня женщине, остановившейся в стороне, как и дядя Лёша с сумками из магазина. Та кивнула ей в ответ.

А маленький Саша порылся в кармане, достал конфеты и с таким выражением, как будто бы он всё ещё всем вокруг не доверяет, резко и серьёзно протянул тётё Ане одну.

– Это Вам. – твердо сказал мальчик.

– О-ооой!. Спа-си-бо! – разулыбалась тётя Аня, – Да, добрый же ты мальчик!.. – она потрепала его по волосам, и приобняв, поцеловала в макушку.

Тогда Саша протянул ещё одну конфету и мне.

– Вот. – сказал он.

– Спа...сибо!.. – улыбнулся я, но голос от чего-то у меня слишком уж задрожал. Я взял конфету и стал рыться в кармане – искать, что бы я мог дать ему в ответ. Почти ничего не нашёл. Только ключи от квартиры, огрызок карандаша и... Я достал маленький картонный компас. Теперь стрелка на нём была снова приклеена и указывала на надпись. На ту самую, что Аля, по её словам, оставляла на компасе, а не на цифры совсем... Впервые я это увидел.

– Вот. – сказал я и протянул компас мальчику, – А хто тебе... Это тебе передала одна... добрая фея. Играйся на здоровье!

– Угу... – кивнул мальчик всё ещё серьёзно, взял компас в руки, посмотрел, а потом снова поднял взгляд на меня – уже не такой серьёзный, как до того, а полный простой детской благодарности и доверчивости. – Спасибо большое! – сказал мальчуган радостно.

Его окликнула мама:

– Саша!.. Пойдём уже! Чего ты там к людям пристаешь?.. – мама улыбалась и мне тоже кивнула, – Спасибо! Но

не стоило!.. Он у меня всё время ко всем лезет, а потом ему все что-нибудь дарят... Шалопай!.. Уже игрушек дома!.. Море!

– Да ничего!.. – заметил я, улыбаясь Сашке, который уже подбежал обратно к своей маме. – Это же и не игрушка совсем – а так. Поделка из картонки... Безделица!.. Играй в своё удовольствие!..

Сашка мне очень уж улыбался – так что видно его улыбку было даже и оттуда.

– Ну хорошо, спасибо!.. – ещё раз поблагодарила меня мама Сашки, – Вы простите нас, Анна Николаевна – мы пойдём, а то сумки!.. Там молоко дешево в магазине... Который на углу. Вот мы и набрали себе несколько бутылок. Вы не были?..

– Да мы тоже сходили, моя дорогая!.. – улыбнулась в ответ тётя Аня, – Вон, Лешка мой тоже держит!.. – и она рассмеялась.

Мама Сашки ушла вместе с ним в подъезд. Тётя Аня улыбнулась вслед и покачала головой.

– Да... Тяжело, когда женщины одни детей тянут... Тяжко

это. И я ещё маме твоей говорила: найди ты себе кого-то... А то ведь трудно так это... Да...

И мы ещё помолчали. А я всё жадно ждал, когда же в окне со снеговичками зажжется свет.

– А ты... – начала тётя Аня робко, – Ты, как вообще – со здоровья?.. Уже ничего? Оклемался-то?.. – с жалостью узнала женщина и взяла меня за руку у локтя, – Ты это... Больше ничего?..

– А... А что у меня?.. – неуверенно переспросил я, – Что... что-то не так было, да?..

– Ну... Ох!.. – вздохнула тётя Аня, – Я имею ввиду...

И она, с горечью глядя на меня, провела пальцами по запястьям горизонтальную черту. Я удивился – что же это такое она показывает? Но так как она кивала на меня, то я догадался взглянуть на свои. На запястьях у меня виднелись шрамы. А я и забыл...

– А... Да... – проямлил я, – Всё хорошо... Да.

– Ну и... Ну и хорошо, милый!.. Ты уж держись... – тётя Аня задумалась и побегала глазами немножко по воздуху, так, словно пыталась найти, о чём же теперь другом начать

говорить. И наконец, кажется нашла. – А ты видел, Женька, что по телевизору говорили-то?.. – я неуверенно покачал головой отрицательно. Ведь я, всё-таки, уже сутки не видел передач, так это точно. – О-ооой, что творится!.. Какой-то писатель объявился – его все теперь ищут... Все журналисты везде бегают, ищут его... И полиция. Какой-то сумасшедший нашёлся – совсем себя не бережёт!.. Он, говорят, в сети выпустил книгу... Под псевдонимом правда... Как это... Кажется... Лёш? Как его?

– Голубь! – кивнул дядя Лёша с пакетами.

– Ах, да – голубь!.. Так вот, он книжку выпустил, уже после вчерашнего закона – говорят что про дом какой-то... Дом, что-то... И что-то там столько всего образного он написал!.. Столько, говорят что, художественного, что... Что там уже наверное и на пожизненное потянет!.. И за него даже вознаграждение уж объявили... Вроде, кажется, коттедж в центре. Да, да... Так вот. Чтоб не деньгами, а поинтереснее... Вот. Ведь губят же себя люди!.. – всплеснула руками тётя Аня. – Ну... Жень... Ов не обидишься на нас, если мы пока... – и тётя Аня немного двинулась к подъезду.

– Нет, нет... Конечно. – кивнул я.

– А то Лёшка мой так и совсем рук лишится, пока я тут

болтаю!.. Ха-хах!..

– Конечно, конечно!.. Я очень рад был вас увидеть!

И я кивнул дяде Лёше тоже. Теперь я его немного тоже помнил.

– И я – очень, очень рада была тебя видеть, Женечка!.. – улыбалась женщина.

И я ещё раз кивнул.

Они с дядей Лёшей ушли в подъезд.

Я стал, как вкопанный. И смотрел на окно. И с чего же они должны были его включить?.. Ведь сейчас день. Но всё же... И окно загорелось.

Во мне много чего сразу забурлило, заклокотало... И... Я повернулся туда – вверх... Слабо видные мне, размытые от чего-то, плывущие в небе лучи. Я всё смотрел туда. И по щекам катилось. И я потер запястья, а оно всё катилось и катилось. И я только подумал одно: "Прости меня!.. Прости..." и ещё "Помоги мне!". Я очень хотел вспомнить. Очень. И было страшно больно. В ответ я почувствовал отчего-то: "Не бойся!"

И я стал вспоминать. И вспоминал долго. И вспомнил, наверное всё. Я сел на лавку у подъезда, согнулся и долго не мог выпрямиться. Меня трясло и слёзы всё бежали...

Я долго так сидел и боялся разогнуться – ведь тогда меня кто-то увидит.

И потом я вспомнил про дом. Про писателя, дом и вознаграждение. Они дают дом в обмен на дом?.. Я ухмыльнулся. А может действительно?.. Мне кажется – теперь я вполне мог бы сказать, кто этот загадочный Голубь. По крайней мере мне так казалось. А ещё у меня на руках были фотографии...

Я достал фотоаппарат и пересмотрел фото – фото со старого завода. Вот они. И фото Алиного домика... Они тоже тут.

А странно – почему меня не позвали в гости?.. Тётя Аня и дядя Лёша?.. Ведь они были так рады меня видеть?..

Странно ещё и то, что фото почему-то перепутаны местами в памяти фотоаппарата. Первыми идут те, что я сделал у домика, а вторыми – с завода. Я немножко подумал и стёр всё, что было на флешке. Я встал и пошёл куда-то. Не знаю куда. Спросил у случайных прохожих, как можно добраться до старого завода и мне показали путь. Я шёл – долго, долго. И наконец он был передо мной.

Я стоял перед стенами завода и не знал, что я хочу делать. Наконец я спросил у какого-то человека, который выходил из бетонного лабиринта – не знает ли он, где живёт Аля?

Тот не знал. Сказал что такой у них нет. Я начал спрашивать, что возможно у них есть Алевтина, Анна, Алина, Алла?.. На Алле мужчина затормозил меня и спросил, что это та, что-ли, которая странная такая?

И я подумал и ответил, что наверное – да. Он указал мне дорогу. Я пришел к небольшому корпусу бывшего завода. Там должна была быть квартира Али. Я не знал, куда точно стучать. И поэтому позвал. Я зачем-то сказал: "Аля?.." почти шёпотом. А в ушах зазвенело: "Вы можете не очень громко звать. Я всё равно должна услышать." или что-то такое...

Из крошечного окошка на первом этаже показались перепуганные вникающие внутрь меня круглые глаза.

– Аля... Я пришёл... Я пришёл позвать Вас в гости. Пойдёмте?.. Мне есть теперь что показать.

Глаза исчезли из окошка и через некоторое время рядом со мной открыла дверь та самая девушка, что вначале была на заводе.

– И ещё... Я понял, что забыл у Вас взять рецепт... чая. А мне бы сейчас очень нужно.

Девушка кивнула.

– Пойдёмте, пока уж Вы здесь, выпьем по чашечке у меня.

– Давайте. Но только не долго... Мне очень нужно... Мне, правда, очень нужно, чтобы Вы побывали у меня.

– Хорошо. – кивнула Аля. – Но только, это конечно хорошо... Но главное не забывайте позвать и Отца, если я приду. Хорошо?

– Хорошо.

– А пока пойдёмте пить чай.

Мы прошли внутрь и свернули под лестницу в маленькую, почти полностью пустую комнатку. Аля остановилась.

– Вы здесь живёте? – спросил я.

– Да. Можно сказать... В этом мире – да.

– Угу... – кивнул я.

Аля пригласила меня садиться на деревянный табурет и я сел. А она разлила нам чай из стариннейшего и потрепанного временем чайника в такие же почти чашки.

– Это вся посуда, что у Вас есть? – спросил я. Аля кивнула. – Я, выходит что, в этом мире даже богаче чем Вы!.. А Вы ещё меня к себе приглашали жить если что!..

– Угу. – немножко засмеялась Аля и мы сели пить чай.

Да, это был другой Женя, когда он шёл по дороге и видел собравшиеся тучи вокруг. Это был не тот. До первого грома – это был не тот... Но теперь?.. Возможно, что всё ещё это и не до конца тот настоящий я, какой должен бы быть. Ведь я не знаю – предел совершенства... Он наверное и не достижим, но всё же... Есть разница – когда у тебя на холсте ещё полностью корявый набросок и вообще непонятно – что это... Ну, или когда уже что-нибудь да похожее на человеческое лицо вырисовывается. Возможно – я ещё подмалёвок, конечно. Ещё много чего прорабатывать и развивать. Сколько ещё слоёв краски можно наложить? Наверное – бесконечное количество. Но нельзя ведь быть неблагодарным хоть за то, что имеешь сейчас?.. Чего достиг и до чего ты наконец-то дорос. И я благодарен. Хоть как-то – но я вырос... И уже иногда, не без восторга, я замечаю в себе хоть те отдельные черты, что мне напоминают прекрасный портрет. И это уже очень хорошо. Я благодарен Богу за это и конечно хочу расти дальше. Ведь когда ты растешь и ты становишься выше

– тогда ты видишь и больше вокруг себя. И тебе становится ясно что нужно расти и ещё.

Я пишу всё это, не зная для кого и не зная точно и досконально – зачем. К кому эти строчки должны будут попасть?.. Я бы не смог ответить. Если раньше я писал бессмыслицу и получал за это зарплату, то теперь... А теперь я пишу то, за что, я знаю – мне уж точно никогда не заплатят. Да и как это публиковать? Ведь теперь нельзя ничего художественного. В моей жизни много что произошло. Я переехал. И теперь обживаюсь. И даже могу принимать гостей. Возможно расскажу об этом ещё... Но не сейчас. Сейчас – мне кажется что этого и так уже много для всего одной истории.

И мне только осталось подыскать себе подходящий псевдоним. Хотел бы – "Голубь", но он уже занят.

